

т. 126

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. П. СТУЧКИ

**ПРОБЛЕМЫ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

Рига 1970

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. ПЕТРА СТУЧКИ

Кафедра русской литературы

ПРОБЛЕМЫ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ученые записки, том 126

Latvijas
Universitātes
BIBLIOTĒKA

Рига 1970

"... ВСЯКАЯ НАЦИЯ МОЖЕТ И ДОЛЖНА УЧИТЬСЯ У ДРУГИХ".

К. МАРКС

Сборник научных статей "Проблемы межнациональных литературных отношений" отражает некоторые тенденции изучения этой проблемы на кафедре русской литературы Латвийского государственного университета. Кроме того в него входит статья эстонского литературоведа С.Г.Исакова, давно уже занимающегося аналогичными проблемами и в настоящее время являющегося самым крупным специалистом в этой области в ЭССР.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ученые записки, том 126

Редактор Э. Станке

Корректор В. Лапина

Подписано к печати 19. 03. 1970. ЯТ 19219, Зак. № 257.

№/6. 60x84/16. Писчая №1. Физ.п.л. 4,3. Уч.и.л. 3,0.

Тираж 300 экз. Цена 19 коп.

Отпечатано на роталпринте, г.Рига-Ц, бульв. Райниса, 19.
Латвийский государственный университет им.Петра Стучки

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник посвящен одной из наиболее актуальных проблем советского литературоведения – проблеме взаимосвязей, взаимодействия и взаимообогащения национальных литератур / культур/.

Авторы статей, составляющих его, исходят, во-первых, из понимания того, что лучшие достижения национальной культуры одного народа, одной нации по своей значимости должны выходить и выходят все шире за национальные рамки вследствие подлинно ленинского курса партии, одной из основных задач которого является сближение и сплочение народов СССР, в частности на основе все более глубокого взаимоузнавания.

Во-вторых, из понимания того, что изучение многообразных вопросов, связанных с постановкой и решением этой проблемы в условиях развития социалистических наций, имело и имеет научное и в то же время особое общественно-политическое значение.

В какой-то мере работы, составляющие основную часть данного сборника, отражают тенденции изучения русско-латвийских литературных связей, характерные для преподавателей, аспирантов и студентов кафедры русской литературы ЛГУ, и являются результатом их поисков и некоторых весьма интересных находок.

Данный сборник состоит из двух разделов.

ПЕРВЫЙ из них открывается статьей эстонского литературоведа С.Г.Исакова, которая может представлять интерес как для лермонтоведов, так и для тех, кто вообще занимается исследованием межнациональных литературных отношений.

В целом же этот раздел посвящен анализу тех или иных аспектов рецепции творчества М.Ю.Лермонтова эстонскими, а Л.Н.Толстого и М.А.Шолохова латышскими читателями. Все статьи, составляющие его, содержат в себе оригинальный, никем еще не исследованный материал или решения.

ВТОРОЙ раздел является следствием библиографических розысканий, представляющих для занимающихся проблемами русско-латышских литературных связей /и не только для них!/ первостепенную необходимость: несмотря на явно увеличившийся интерес к русской литературе и культуре, в особенности в послевоенное время, у нас до сих пор нет серьезных систематических библиографических справочников, в которых были бы сосредоточены данные о публикациях произведений хотя бы значительнейших русских писателей - классиков на латышском языке и статьях о них, опубликованных в латышской печати.

Сборник "Проблемы межнациональных литературных отношений", издаваемый кафедрой русской литературы Латвийского государственного университета, является первой нашей работой, специально посвященной данной проблеме.

Э.О.Станке.

П Е Р В Ы Й Р А З Д Е Л

С.Г.Исаков

О РЕЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСТВА М.Ю.ЛЕРМОНТОВА В ЭСТОНИИ /до 1917 г./

Давно уже было обращено внимание на то обстоятельство, что понимание творчества писателя у себя на родине и в иноязычной, "неродной" среде значительно отличается. Творения писателя в иной национальной среде могут восприниматься порою даже совершенно иначе, чем на его родине. Если еще учесть, что восприятие литературного наследия каждого писателя меняется, трансформируется также и от эпохи к эпохе да обычно, в силу общественных и социальных противоречий, не является единым во всех слоях общества и в каждый определенный период, то станет очевидной вся сложность проблемы так называемой рецепции творчества писателя.

Когда мы обращаемся к вопросу об особенностях восприятия творчества Лермонтова в Эстонии в дореволюционный период, как, впрочем, и любого другого иноязычного писателя, нам надо учесть два момента. Первый - иноязычие. Барьер языковых различий существенно изменяет облик произведения при переходе его в иную национальную среду. Причем этот облик меняется и в том случае, когда эстонский читатель знакомится с произведениями Лермонтова в оригинале и когда он читает их в переводе. Но, конечно, само восприятие произведения бывает различным в том и другом случае.

Если "чужое" литературное произведение приходит в своем собственном языковом облике, то оно, как будто, должно вникать во всей полноте своего художественного выражения. Но это далеко не так. Лишь очень немногие чита-

тели могут воспринимать иноязычное произведение как "свое" со всеми его стилистическими тонкостями, нюансами смысла и настроения. Большинство же все-таки, даже владея чужим языком, воспринимает его сквозь призму привычных, "родных", художественных, "языковых" средств, в меняющемся языковом воплощении. При проникновении "чужого" литературного произведения в подлиннике в мир иной литературы это произведение не получает строго зафиксированного нового языкового облика, - отмечает акад. Н.И.Конрад. - Этот облик создается каждым читающим в известной мере на свой лад и существует поэтому только для него¹.

Иным оказывается восприятие произведения в переводе. Перевод создает вполне определенный новый языковой облик произведения и в этом новом виде оно начинает существовать для данного народа. "Литературное произведение начинает жить уже независимо от своей первоначальной языковой формы². Оно становится как бы двуликим, а при переводе на многие языки - многоликим. Не нужно думать, что при этом произведение только теряет, оно кое-что и приобретает. Конечно, оно многое теряет. Произведение лишается в переводе, как отмечает далее акад. Н.И.Конрад, своей единичности, той неповторимой индивидуальности, какую дает ему родная языковая плоть. Но, с другой стороны, разноязыкое существование выявляет в литературном произведении то общее, что выводит его за рамки единичности, что значимо для всех³. При этом перевод может даже по-своему "обновить" произведение, "Я не могу больше читать Фауста по-немецки, - признавался Гёте Эккерману, - но во французском переводе он кажется мне вновь чем-то свежим, новым и остроумным"⁴.

¹ Н . И . К о н р а д . Запад и Восток. Статьи. М., изд. "Наука", 1966, стр. 339.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. Von Johann Peter Eckermann. 2.B. Leipzig, 1895, S: 81

"Герман и Доротея" особенно нравились автору в латинском переводе: в этом виде поэма казалась ему "более значительной и по форме как бы возвращенной к своему первоисточнику"⁵.

Второй момент или барьер на пути восприятия "чужого" произведения - различие национальных /исторических и художественных/ традиций, в данном случае различие эстонской "обстановки" в широком смысле слова от русской. Ведь восприятие того или иного произведения связано не только с его языковым обликом. Восприятие любого произведения никогда не является и лишь индивидуальным актом данного читателя. Оно связано не только и даже не столько с его личным характером, биографией или психологическим состоянием в момент восприятия, сколько с национальной литературной традицией, литературным вкусом, обусловленным определенным этапом в развитии данного общества, народа, т. е. опять же с обстановкой, в которой живет человек, с этапом общественного и художественного развития его нации. И произведение воспринимается в другой стране сквозь призму данного этапа в развитии воспринимающего народа, сквозь призму национальных традиций.

Вот эти два момента постоянно надо учитывать и при анализе проблемы "Рецепция творчества Лермонтова в Эстонии", тем более, что сам путь проникновения лермонтовских творений к эстонцам был очень сложен.

Первоначально /до конца 1870-х - начала 1880-х гг./ эстонцы могли знакомиться с творчеством Лермонтова главным образом через немецкие переводы, поскольку русского языка подавляющее большинство эстонцев не знало, эстонских переводов его произведений не было, немецким же языком большая часть эстонского образованного общества владела очень хорошо. Этому не могло не способствовать и то обстоятельство, что важную роль в переводе лермонтовских творе-

⁵ Там же, В. I, с. 96.

ний на немецкий язык сыграли как раз прибалтийские немцы и многие переводы вышли из печати в Прибалтике. Так, первому переводчику произведений Лермонтова Фарнгагену фон Энзе помогал в переводе эстляндский барон Борис фон Икскуль, друг великого поэта⁶. Кстати, до последнего времени оставлось неясным, где Икскуль мог познакомиться и сблизиться с Лермонтовым. Недавно таллинский краевед Е.Зайдельсон нашел забытые исследователями воспоминания Б.Икскуля, из которых явствует, что тот познакомился с Лермонтовым в доме Карамзиных в Петербурге⁷. Многие годы он проживал в Эстонии вблизи Ревеля /Таллина/.

Первым произведением Лермонтова, вышедшим на немецком языке отдельным изданием, был "Мцыри" в переводе прибалтийского поэта, воспитанника Дерптского /Тартуского/ университета Романа фон Будберг-Беннингсгаузена⁸; кстати, этот перевод посвящен Борису Икскулю. Вслед за тем Будберг перевел и опубликовал в Германии ряд лермонтовских стихотворений и большую часть "Героя нашего времени". Его переводы высоко ценились в свое время.

Мы не будем перечислять всех переводов произведений Лермонтова на немецкий язык, сделанных остзейцами, - их слишком много. Хотелось бы лишь еще отметить вышедшие первым изданием в 1877 г. в Тарту переводы Андреаса Ашарина⁹ /кстати, тоже выпускника Тартуского университета/, кото-

⁶ См. о нем: М. Ашуккина. Забытый друг Лермонтова. Литературное наследство, т. 58. М., изд. АН СССР, 1952, стр. 477 - 479. К сожалению, автор не использовал большую часть весьма многочисленных немецких материалов о бароне Б.Икскуле, в которых содержатся разнообразные сведения о его личности и деятельности.

⁷ См.: Е. Зайдельсон. Забытый друг Лермонтова. Газ. "Советская Эстония", 1964, 15 X, № 243.

⁸ О Р.Будберг-Беннингсгаузене см.: Э. Райдма. "Он к солнцу свой направил гордый взлет" /Роман Будберг - один из первых популяризаторов творчества М.Ю.Лермонтова/. Газ. "Советская Эстония", 1959, 16 X, № 244.

⁹ Dichtungen von Puschkın und Lermontov in Deutscher Uebersetzung von Andreas Ascharin, Dorpat, 1877.

рые вытеснили в Германии знаменитые переложения Ф.Боденштедта и даже в немецких энциклопедиях были признаны лучшими переводами лермонтовских творений на немецкий язык вообще¹⁰.

Переводы А.Ашарина, без всякого сомнения, были знакомы эстонскому читателю. У нас есть даже факты, подтверждающие это. Когда в 1887 г. газета "Олевик", один из ведущих органов эстонской печати той поры, объявила конкурс на лучший перевод "Молитвы" Лермонтова на эстонский язык, то в тексте объявления приводился русский оригинал стихотворения и его немецкий перевод А.Ашарина.¹¹ Редакция, видимо, не без основания считала, что многие переводчики не смогут переложить стихотворение Лермонтова прямо с оригинала. И не подлежит сомнению, что среди более чем 100 переводов, присланных на два конкурса газеты /несколько позже был объявлен еще и второй конкурс/, многие были сделаны с очень хорошего переложения А.Ашарина. Вообще в 1880-е гг. да иногда, по-видимому, и позже ряд переводов стихов Лермонтова на эстонский язык осуществлялся с немецких переложений: укажем хотя бы на перевод известным поэтом К. Э.Сёётом "Утаса" в 1887 г., явно сделанный с ашаринского переложения¹².

Знакомство эстонцев с творчеством Лермонтова посредством немецких переводов, вряд ли особенно значительное, все же очень любопытно. Здесь мы сталкиваемся с актом восприятия произведения, прошедшего, так сказать, двойную модификацию, двойное "перевоплощение", "перекодировку" из

¹⁰ См., напр.: Meyers Grosses Konversations-Lexikon. Sechste, gänzlich neubearbeitete und vermehrte Auflage. Band 12, Leipzig und Wien, 1906, S. 476.

¹¹ "Oleviku Lisa" /"Приложение к газете "Олевик"/, 1887, № 21, стр. 321 - 322 /на эстонском языке/.

¹² Ср. переводы К. Э.Сёёта /"Oleviku Lisa", 1887, № 13/ и А.Ашарина /"Der Felsen", Dichtungen von Puschkin und Lermontov..., S. 8).

одного языкового облика в другой. При такой двойной перекодировке значительно менялся характер произведения. Особенно велики должны были быть "потери" лирических стихов, из которых исчезало то сложное "настроение", тот противоречивый комплекс авторских дум и эмоций, которые характеризуют лермонтовскую лирику. Стихотворение неминуемо становилось беднее "содержанием", более абстрактным; живая плоть лермонтовской лирики, биение авторской мысли, сложность его переживаний уступали место более эпичному началу, которое, однако, конечно, обедняло художественную структуру произведений. Но поскольку в наших руках нет почти никаких данных, характеризующих восприятие эстонцами немецких переводов лермонтовских произведений, то, увы, здесь можно ограничиться лишь априорными рассуждениями гипотетического порядка, которые всегда спорны.

С 1880 г. знакомство эстонцев с творчеством Лермонтова происходило главным образом посредством переводов его произведений на эстонский язык. Постепенно всё более увеличивается число читателей, которые могут ознакомиться с творениями великого русского классика и в оригинале, поскольку школы в связи с русификацией переводятся на русский язык преподавания. Уже в 1890-е гг. значительная часть молодежи читала произведения Лермонтова в школе в подлиннике. Но все-таки для большинства читателей вплоть до конца века основным средством знакомства с творчеством русского классика остаются эстонские переводы. Эти переводы давно уже выявлены. Их оказалось довольно много — около ста. Они неоднократно были уже и предметом анализа с точки зрения качества перевода: об этом писали В.Адамс, автор этих строк, М.Суурвали¹³. Вряд ли сто-

¹³ V. A d a m s, *Lermontov eesti keeles*. /Лермонтов на эстонском языке/. Журн. "Looming", 1956, № 2, стр. 248 — 252; С . Г . И с а к о в, М . Е . А л е х и н а. Русская литература в Эстонии в 1880-е гг. Ученые записки ТГУ, вып. 139, 1963, стр. 128 — 134. M a l l e Suurvali, *Mõnda eesti lugeja varasemaast tutvusest M.Lermontoviga*. /Кое-что о раннем знакомстве эстон-

ит вновь обращаться к этому вопросу.

Значительно интереснее попытаться выяснить своеобразие восприятия, рецепции творчества Лермонтова в эти два десятилетия в Эстонии. Но при выяснении этого вопроса возникает ряд объективных трудностей.

Идеальным путем воссоздания рецепции творчества Лермонтова являются свидетельства самих читателей - при этом как "осязательных", так и представителей интеллигенции, писателей, поскольку последние в данном случае тоже выступают в роли читателей. Но, к сожалению, откликов, отзывов, высказываний эстонских читателей почти не сохранилось, и поэтому этим путем нет никакой возможности воссоздать восприятие творчества русских писателей в Эстонии.

В русской литературе, когда говорят о понимании творчества того или иного писателя в обществе, обычно исходят из материалов критики или, реже, литературоведения: критические суждения являются выражением взгляда определенных слоев общества на творчество данного писателя. В применении к Эстонии этот путь также мало продуктивен. Статьи о Лермонтове на страницах эстонской дореволюционной печати редки, крайне невелики по объему и очень мало содержательны, случайны. Они чаще всего представляют собой компиляции или заимствования из русских источников. Впрочем, сам выбор источников в некотором роде показатель: эстонские авторы обращаются не непосредственно к В.Г. Белинскому или другим видным русским критикам, а к второразрядным популяризаторам, к учебникам словесности для школ и прогимназий. Но в целом этот путь, повторяем, тоже мало что дает для понимания рецепции творчества Лермонтова в Эстонии.

Здесь необходимо искать других путей. Для понимания восприятия творчества Лермонтова очень важно раскрыть своеобразие отбора его произведений для перевода, поскольку

ского читателя с М.Лермонтовым/."Журн. "Kõel ja kirjandus", 1964, № 10, стр. 596 - 602.

ку переводчики, без сомнения, учитывали читательский вкус, наибольшее число тех или иных переводов является свидетельством их популярности и вместе с тем понятности. Здесь многое дает и материал самих переводов. Специфические черты перевода, его соответствие или отклонения от оригинала /будь-то изменения, пропуски или дополнения/ тоже являются показателем рецепции того или иного произведения: переводчики ведь тоже и читатели, и участники литературного процесса, по-своему воспринимающие произведение. Специфические черты переводов иногда могут нам сказать о том, что в лермонтовском творчестве было понятно переводчикам, а что нет, что особенно близко, а что далеко.

Конечно, к этим данным нужно относиться с осторожностью. Многие черты переводов объясняются большей или меньшей талантливостью переводчика, его большим или меньшим опытом, степенью развития литературного языка и вообще литературы и т.д. Но хотя здесь и необходима осторожность, эти данные пренебрегать нельзя. Ведь перевод это не просто переложение произведения одной литературы на язык другого народа, это вместе с тем явление идейного и художественного порядка, в котором отражается уровень развития читательской массы, своеобразие литературы того народа, на чей язык переводится произведение.

Лермонтов был очень популярен в Эстонии в конце XIX в. Он фактически самый переводимый русский автор. Число опубликованных в печати переводов его творений приближается к ста. Но вместе с тем выбор произведений для перевода очень специфичен и свидетельствует о своеобразной "избирательности" в понимании его творчества эстонцами. Если мы взглянем на библиографию переводов из Лермонтова на эстонский язык, то увидим это довольно отчетливо. Чаще всего переводилось стихотворение "Молитва" /"В минуту жизни трудную..."/ - в два последние десятилетия XIX в. появилось 17 переводов этого произведения, мно-

гие из них перепечатывались. Было объявлено два конкурса на лучший перевод его; только на первый из них было прислано 75 работ. Стихотворение было переложено на музыку. Очень популярно было стихотворение "Ангел" - в 1880-е гг., оно известно в четырех переводах, три из них вышли из-под пера видных писателей: Я.Тамма, Ю.Кундера и М.Й.Эизена /известно и более позднее переложение драматурга Х.Раудсеппа/. Появилось до 15 перепечаток этих переводов. Шесть раз переводился "Парус", пять - "Утес", четыре раза - "Казачья колыбельная песня", трижды - "Завещание", "Нищий" /в самом начале XX в. появились еще три перевода "Нищего"/, "Желание", дважды - "Узник", "Чаша жизни", "Ветка Палестины" и т.д.

Большая часть поэм Лермонтова /за исключением "Песни про купца Калашникова", "Демона", "Боярина Орши" и "Ангела смерти"/, вся драматургия, более половины "Героя нашего времени" остались вне поля зрения эстонских переводчиков или, по крайней мере, не попали в печать. Не привлекли внимания переводчиков такие шедевры лермонтовской лирики, как "Смерть поэта", "Кинжал", "Тучи", "Родина", известен лишь один перевод "Думы". Это же как раз те стихотворения, которые являются центральными в творчестве Лермонтова в нашем представлении.

Эстонских переводчиков и, видимо, читателей не привлекают остро политические, резко порицающие современное поэту общественное устройство стихотворения, как не интересуют и произведения, раскрывающие внутреннюю драму дворянского интеллигента. Их интересуют вещи более простые, связанные в какой-то мере с жизнью народа и понятные рядовому читателю. С другой стороны, в какой-то степени привлекают и вещи сугубо "романтические", которые, впрочем, расцениваются в первую очередь со стороны занимательности и экзотичности сюжета, захватывающей напряженности действия. Не случайно, из "Героя нашего времени" первым был переведен "Фаталист". С этим, видимо, связан и перевод "Де-

мона" и "Боярина Орши".

Во всем этом сказывается специфика эстонской читательской массы. Если в России преобладал читатель интеллигентный и круг чтения последнего резко отличался от круга чтения мужика /"лубочная литература"/, то в Эстонии дело обстояло иначе. Эстонцы и во второй половине XIX в. в общем-то оставались крестьянской нацией. Массовый эстонский читатель принадлежал или к крестьянской среде или к низам города. Эстонская интеллигенция, еще не очень многочисленная, сама большей частью состояла из выходцев из крестьянства, не порвавших полностью связей с этим классом и усвоивших, в значительной мере, и его представления на литературу. Эстонскому читателю, конечно, чужды были произведения, отображающие жизнь, противоречивую гамму переживаний дворянского интеллигента. Он искал в литературе пицци более простой, близкой его сознанию, несмысловатой по форме. Вместе с тем он искал в литературе занимательности: не случайно читатели всегда особенно ценили в произведении один момент, хорошо передаваемый эстонским словом "ühendus" — это примерно можно перевести как "увлекательность", "захватывающая напряженность действия". Даже в критике неизменно выделялся этот момент.

С другой стороны, надо учесть, что широкие круги читателей и писателей были очень лояльны, даже проправительственно настроены, полны царистских иллюзий. Они, вслед за деятелями эстонского национального движения во главе с К.Р.Якобсоном, привыкли видеть в царе и верховной власти своего потенциального защитника и чуть ли не союзника в противовес основному врагу — остзейским баронам. К русскому революционному движению, особенно народничеству, в Эстонии отношение в общем-то было очень подозрительным и скорее отрицательным, как и к наиболее радикальным проявлениям русского свободомыслия. Эта лояльность среди интеллигенции стала исчезать только в са-

мые последние годы XIX в., в среди широких масс лишь в начале XX в., в особенности же в процессе революции 1905 г. Потому-то и чужды были эстонцам, например, стихотворения "На смерть поэта" или "Кинжал" Лермонтова.

Из глубоко личной лирики Лермонтова их наибольшее внимание потому-то и привлекали по-своему интерпретированные и несколько примитивно воспринятые, исполняемые религиозности стихотворения "Ангел" и "Молитва", что искренняя религиозность была еще близка широкому кругу читателей, далеко не порвавшего и с традицией духовной морализаторской литературы. Именно такие стихотворения были в полной мере понятны и читателям и переводчикам.

Этим всем и объясняется "избирательность" в подходе к лермонтовскому наследию в Эстонии: преимущественный интерес к одной группе его произведений и игнорирование другой. А это тоже есть показатель рецепции, ибо в результате в восприятии эстонцев Лермонтов оказывался совсем не таким поэтом, каким он представлялся тогдашнему русскому читателю или представляется нам.

Впрочем, здесь сказывалось и другое - степень развития эстонской словесности. Нельзя забывать, что эстонская литература в рассматриваемый период - в 1880-е - начале 1890-х гг. - лишь завершала переход от романтизма к реализму. Поэтому романтическое мироощущение Лермонтова оказывалось близким эстонцам. Этим, возможно, объясняются переводы "Паруса" да и "Демона". Не случайно, позднее, чисто реалистическое творчество Лермонтова не привлекает к себе столь пристального внимания, как его ранние работы или произведения, не чуждые романтических черт. Но не стоит преувеличивать значения этого фактора.

Что же может нам дать для прояснения рецепции лермонтовского наследия в Эстонии анализ переводов его стихов?

Среди переводов лермонтовских произведений есть и более, есть и менее удачные. Как всегда неплохи переводы

Якоба Тамма, одного из лучших эстонских поэтов конца XIX в. /"Рузалика", "Песня про купца Калашникова", "Бородино" тем более, что для переложений он выбирал произведения, написанные в народном духе, без особого труда укладывавшиеся в рамки эстонской литературной традиции.

Интимная, условно говоря, лирика Лермонтова, отражающая мир его чувств и переживаний, исполненная гнева, сарказма и скорби, с трудом поддавалась переводу. Тончайшие оттенки лирического настроения, сложное переплетение противоречивых чувств поэта, переходы от гнева к печали, с едкой иронии к грустной насмешке, очень тщательно продуманное стилистическое "оформление" и музыкальная инструментальность каждого стиха - всё это с трудом воспринималось эстонскими переводчиками.

Но даже в том случае, когда они, по-видимому, и воспринимали всю полноту смысла и художественное звучание лермонтовских стихотворений, переводчики не всегда были в состоянии передать их средствами тогдашнего не очень развитого эстонского стиха и литературного языка: ведь качество перевода находится в прямой зависимости от степени развития литературы. Таким образом здесь получается как бы двойной барьер на пути лермонтовского творения к эстонскому читателю: с одной стороны, переводчики не всё воспринимают в произведении, а с другой, они и то, что воспринимают, не в состоянии адекватно передать в переводе; в результате до читателя это произведение доходит уже в измененном, нашей точки зрения, ущербном, обедненном виде. Это не может не сказаться на восприятии читателем творений Лермонтова.

Даже переводы столь близких эстонским переводчикам настроению и идеям стихотворений, как "Молитва" и "Ангел", все же чаще всего были далеки от совершенства, чем во многом и объясняется факт их многократных переложений. Это еще более относится к переводам других стихотворений Лермонтова.

Возьмем, к примеру, перевод "И скудно, и грустно..",

принадлежащий Г.Э.Луйга. Мы сознательно остановились именно на этом переложении, потому что оно характеризует средний уровень переводов той поры. Сам Г.Э.Луйга был небезызвестным поэтом, видным переводчиком, много и небезуспешно перекладывавшим на эстонский язык произведения немецких и русских писателей. Его работы не составляют вершины эстонского переводческого искусства тех лет, но, вместе с тем, обычно и не опускаются ниже среднего уровня. Итак, вот его перевод:

Mind rõhub, mind koormab, ja üksigi ei mõista
siin mind,

Mul asjata silmad täis ruttu...

Ja kuna mul igawest igatsust kannatab rind,

Mu paremad aastad mult kaowad ruttu.

Arm?.. Üürrike õnneus ei maksa ta waewa, mis
naind näind,

Ei igawest' kesta ta laike.

Pea südamest jäljeta kaob, mis mööda on
lõuna

Ja kurbtus kui rõõm on siin wilets ja wäike.

Koik tundmuste tuhin kaob warem ehk hiljem su sees

Aeg ja mõistus siin sumultab sedg,

Ja elu on, - waatad tad wägusi mõistuse ees, -

Üks tühine nali, täis rumalust, häda...¹⁴

"Prestimehe Lõvi-lüüa"/Развлекательное приложение к газ.

"Постимез"/, 1890, стр. 150. Подстрочный перевод:

Нечто давит и угнетает меня, и никто меня здесь
не понимает,

Напрасно наполнены слезами мои очи.

И так как от вечной тоски страждет моя грудь,

Мои лучшие годы быстро уходят от меня.

Любовь?.. Мимолетное счастье не стоит ее мук, которые
я испытал,

Не вечно продолжается ее сила.

Вскоре исчезает без следов из сердца то, что прошло,

И печаль, как и радость, здесь убоги и мизерны.

Все порывы чувств исчезают в тебе рано или
поздно,

Время и разум гасят их.

И жизнь - посмотришь на нее спокойно перед
рассудком -

Пустая шутка, полная глупостей и бед...

Перевод сравнительно точен, смысл лермонтовского стихотворения, если понимать под ним внешний абрис содержания, передан на эстонский язык: основную авторскую мысль эстонский читатель мог воспринять из перевода. Внешние формальные особенности стиха - размер, рифма, строфика - также сохранены. Но нельзя забывать, что в лермонтовском стихотворении авторская мысль не выступает в абстрактно-рассудочной форме, она передается читателю через особое лирическое настроение, которое создается тонким стилистическим "оформлением" отдельных фраз, обрывочным синтаксисом, прерывистым ритмом, мелодией, сложным музыкальным построением отдельных стихов. Только в единстве всех этих компонентов получается некая художественная структура.

Но в переводе не всегда сохранены своеобразная мелодия стиха, остановки в ритме, вопросительные конструкции отдельных фраз, а главное, сам смысловой контекст несколько упрощен и огрублен и, в результате, он не передает всех нюансов авторского чувства, оттенков лирического настроения. Стилистическое "оформление" отдельных фраз едва ли не чуждо оригиналу: стилю лермонтовского "И скушно, и грустно..." органически противопоказаны, например, фразы типа - "Напрасно наполнены слезами мои очи" или даже "Не вечно продолжается её [любви - С.И.] сияние". И, как итог, эстонский читатель, знакомившийся с произведением русского классика по переводу, не мог получить полного представления о лермонтовской музыке. Она представала перед ним в обедненном виде.

И все же. Если суммировать наблюдения над этими переводами 80-х - 90-х годов прошлого века, нужно сказать, что одну и очень существенную сторону лирического мира Лермонтова - грусть, тоску, печаль, разочарование - эстонцы усвоили хорошо. Эту грустную, печальную тональность стихов Лермонтова, настроение разочарования в них стремились передать все переводчики. Даже в тех случаях, когда они оказывались не в состоянии воссоздать в переводе все нюансы

лермонтовского текста и в смысле точности значительно отступали от оригинала, все же в их работах неизменно видна попытка передать хотя бы самую общую атмосферу грусти и тоски. Для примера можно было бы сослаться хотя бы на переводы "Выхожу один я на дорогу", подписанный криптонимом J.K./возможно, Юхан Кундер, это его обычный криптоним/¹⁵, и "Нищий" некоего J.U./вероятно, Й.Умблия/¹⁶.

Однако эстонские переводчики, судя по всему, не всегда воспринимали сложность и противоречивость обуревавшего поэта чувства: черты политического протеста, бунта и саркастической иронии по адресу "света" им были чужды, и они прошли мимо них. Тем самым Лермонтов представлялся эстонцам несколько однобоко. В их представлении в конце XIX в. это был поэт грусти и тоски, искренне религиозный, видевший в молитве спасение от разочарования в жизни и в людях. Ни в коей мере он не представлял перед ними как поэт-бунтарь и протестант, мечтающий об ином общественном устройстве. Глубокий смысл лермонтовского индивидуализма им, конечно, не был ясен. Лермонтов мог, скорее, показаться исполненным смирения поэтом-меланхоликом. Впрочем, не следует думать, что такое восприятие Лермонтова не имеет параллелей в России. Известная статья В.О.Ключевского "Грусть" впервые опубликованная в 1891 г.¹⁷, в общем дает концепцию творчества Лермонтова, близкую к вышеохарактеризованному взгляду.

Кстати, в этом направлении мог воздействовать на эстонцев и известный исследователь биографии Лермонтова профессор Дерптского /Юрьевского, Тартуского/ университета Павел Александрович Висковатов. Его концепция творчества великого поэта в целом также недалека от таких воззрений. Между тем, труды Висковатова были известны эстонцам; со-

¹⁵ "Walguse Lisa" /Приложение к газ. "Валгус"/, 1887, № 8.

¹⁶ "Wirulane", 1886, № 8.

¹⁷ В . О . К л ю ч е в с к и й . Грусть. "Русская мысль", 1891, № 7, стр. 1 - 18.

хранились даже сведения, что он давал и устные консультации эстонским переводчикам Лермонтова, стремился привлечь их внимание к поэзии великого классика¹⁸.

Всё выше сказанное, между прочим, объясняет неожиданную популярность Лермонтова в Эстонии именно в конце 80-х - начале 90-х годов прошлого века. Это был один из самых мрачных периодов в истории Эстонии: суровая реакция Александра III, гнет русификации, разложение национального движения, крах былых идеалов, ренегатство ряда бывших видных деятелей, запрещение каких-либо национальных мероприятий, отсутствие видимой перспективы - всё это воздействовало на сознание представителей образованной части тогдашнего эстонского общества, вызывая настроение грусти, тоски, глубокого разочарования. В этих условиях специфически понимаемый Лермонтов и его муза сказались очень близкими господствующему в обществе настроению.

Об этом свидетельствует любопытнейшая заметка Хуго Раудсеппа, в будущем известного эстонского драматурга, под названием "Два юбиляра" в газ. "Таллинна кая" за 1914 г. Правда, она характеризует обстановку второй половины 90-х гг. и исходит из восприятия Лермонтова в оригинале, но все же мысли Х.Раудсеппа и в данном случае многое объясняют. Он пишет, что Лермонтов был первым его увлечением, его юношеским идеалом, образцом поэта. Он не переставал удивляться Печорину и любил его со всеми его слабостями и недостатками. И далее Х.Раудсепп пытается объяснить, что связывало эстонского деревенского мальчишку из глухого лесного села с разочарованными героями Лермонтова. Он вспоминает казарменную обстановку в русифицированной школе, полный запрет всего, что хоть сколько-нибудь напоминает общественную деятельность, и даже того, что просто связано с молодостью, её увлечениями, преследование всего живого, резкий спад

¹⁸ См.: Юрий Шумakov. Михаил Лермонтов и Эстония. "Звезда", 1964, № 10, стр. 185.

интереса в обществе к национальным устремлениям. Всё это, замечает Х.Раудсепп, с необходимостью вызвало у представителей молодого поколения чувство одиночества и внутренней пустоты. "И нет ничего удивительного, что стих Лермонтова, полный неудовлетворенности существующим, одиночества, отвечал моим тогдашним настроениям. Одинокий парус... Выхожу один я на дорогу... Всё это захватывало меня"¹⁹. Не без влияния Лермонтова Х.Раудсепп стал писать стихи.

К этим утверждениям будущего эстонского драматурга можно отнести с полным доверием уже потому, что он не склонен был к преувеличениям и к этому времени даже чуть иронически относился к своим юношеским увлечениям. Тем больший вес имеет его заключительный тезис: "И убежден, что влияние беспокойной музыки Лермонтова на эстонскую учащуюся молодежь не было незначительным"²⁰.

Но случай с Х.Раудсеппом, собственно, подводит нас уже к новому этапу в истории восприятия творчества Лермонтова в Эстонии, к этапу, который начинается в самом конце XIX в. и в основном совпадает с началом текущего столетия. В этот период эстонцы, главным образом, знакомятся с творчеством Лермонтова в оригинале и чаще всего в школе. Поскольку русский язык был языком преподавания почти во всех школах и поскольку в учебных заведениях изучалось творчество Лермонтова, то, естественно, что теперь нет необходимости в переводах - и число их сокращается да они теперь, как правило, выходят из-под пера дилетантов и сколько-нибудь важного литературного значения не имеют, если не считать нескольких исключений /как, напр., неоднократно перепечатававшегося в переработанном виде переводе Хуго Рауд-

¹⁹ Hugo R a u d s e p p. Kaks juubilari. "Tallinna Kaja", 1914, II. X, № 8, стр. 94.

²⁰ Там же.

сеппом "Выхожу один я на дорогу..."²¹ /.

Теперь, по-видимому, происходит сближение в восприятии творчества Лермонтова русскими и эстонцами. В какой-то мере понимание Лермонтова теперь оказывается связанным с материалом школьных учебников, общих в школах Эстонии и России. В учебниках и книгах для чтения той поры обычно господствовала либеральная концепция творчества Лермонтова в духе культурно-исторической школы.

Эстонская интеллигенция теперь может познакомиться и с новейшей интерпретацией творчества классика в трудах русских критиков и литературоведов различных направлений — Д.С.Мережковского и В.З.Розанова, Р.В.Иванова-Разумника и Д.Н.Овсяннико-Куликовского и др. О знакомстве с русскими работами, посвященными Лермонтову, говорит, например, статья Э.Хубеля /известного эстонского писателя, выступавшего обычно под псевдонимом Майта Метсанурка/ в газете "Таллина Театая" в 1914 г. в связи с юбилеем поэта²².

Но вообще надо учесть, что в начале XX в., особенно после революции 1905—07 гг., интерес к русской классике в Эстонии ослабевает, что связано с рядом моментов: и с усилением антирусских настроений в обществе, нередко, к сожалению, обусловленных ростом антицаристских, антиправительственных веяний, и с поворотом внимания к современной словесности. Поэтому в 1907—1917 гг. Лермонтов в Эстонии, пожалуй, менее популярен, по крайней мере, среди взрослой читающей публики, нежели в 1880-е — 1890-е гг.

Зато, по-видимому, очень велика его популярность и в этот период среди учащейся молодежи. Конечно, тот факт, что творчество Лермонтова теперь оказалось включенным в

²¹ "Elu" Kirjandus ja Teadus", 1908, № 79; "Päevaleht", 1908, 24. XI, № 220; "Postimees", 1908, 27. IX, No 12; "Tallinna Kaja", 1914, II. X, № 8.

²² E. H u b e l. M. Lermontov. "Tallinna Teataja", 1914, 8. XI, № 255.

школьную программу и изучалось на уроках, мог нередко не только стимулировать, сколько гасить интерес к его произведениям. В этом нас убеждает порою и опыт нашей школы. С другой стороны, необходимо учесть, что эстонские дети занимались в русской школе, которую они не могли считать своей, и на русском языке, который был для них чужим. Отсюда, особенно в связи с ростом националистических настроений, внутреннее отталкивание от чуждого ученикам русского начала, насильственно вводимого свыше.

Но все-таки задушевная сила, искренность и обаятельность лермонтовской лирики и "Героя нашего времени", непосредственное воздействие его творений нейтрализовало все эти враждебные веяния да, пожалуй, и скучные объяснения школьных учебников и учителей. Именно непосредственное восприятие лермонтовского оригинала приводило к искреннему увлечению тогдашней эстонской учащейся молодежи творчеством Лермонтова. Этому способствовало и то, что теперь сам литературный багаж учащихся, их опыт, родная художественная традиция могли уже помочь воспринять всю сложность лермонтовских творений. Ведь учащийся начала XX в. это уже не крестьянский мальчишка из глухой деревни. Он опирается в своем понимании литературы на развитую отечественную словесность, на опыт общественно-политической жизни начала века. И вот в таких условиях Лермонтов нередко становился самой горячей любовью молодежи, предметом увлечений и подражаний в первых литературных опытах.

У нас сохранилось множество свидетельств этого. Создается впечатление, что чуть ли не все будущие литераторы, начинавшие свой жизненный путь в начале XX в., пережили увлечение Лермонтовым. Им зачитывались в школе известные эстонские писатели Фр.Туглас²³, О.Лутс²⁴, А.Алле²⁵, чье

²³ Vene kirjanikud-klassikud olid eestlaste jaoks /Русские писатели-классики были образцом/. Газ. "Ohtuleht", 1947. 26 XI, № 276.

²⁴ O. L u t s. Ladina köök. Malestusi /Латинская кухня. Вос-

творчество столь непохоже на лермонтовское, Х.Виснапуу²⁶ - привожу лишь те имена, относительно которых сохранились документально засвидетельствованные или в воспоминаниях или в утверждениях современников факты их интереса к творчеству Лермонтова. Когда в 1930 г. журнал "Лооминг" /"Творчество"/ провел среди писателей анкету, посвященную их первым литературным опытам, где был вопрос - "под чьим воздействием или по образцу кого Вы начали писать", то многие писатели в ответ указывали на Лермонтова. Майт Метсанурк писал, что в школе он влюбился в Лермонтова, Пушкин же ему нравился меньше²⁷ /кстати, утверждение, которое нередко можно услышать и из уст современных школьников/. Юлиус Оанго сообщал, что начал писать под влиянием Лермонтова и русских переводов Байрона²⁸. В другой аналогичной анкете "Лооминга" 1935 г. Й.Перт писал, что в старших классах гимназии он был покорен элегическим стихом Лермонтова и даже подпал под влияние лермонтовского настроения и мировоззрения²⁹. В некоторых ранних стихотворных опытах Юхана Сютисте исследователи, по-видимому, не без основания видели иногда прямое подражание Лермонтову³⁰. Книжечки стихов Лермонтова были на полке у в будущем знаменитой эстонской актрисы Лийны Рейман³¹ и т.д., и т.д.

поминания/, VI. Tartu, 1934, стр. 165.

²⁵ K. M i h k l a. Jooni August Alle elust ja loomingust /О жизни и творчестве Августа Алле/. Ж. "Looming", 1940, № 7, стр. 749.

²⁶ K. M i h k l a. H. Visnapuu loominguga algperiood /Ранний период творчества Х.Виснапуу/. Ж. "Looming", 1939, № 10, стр. III-IV
²⁷ "Looming", 1930, № 7, стр. 838.

²⁸ Там же, № 4, стр. 483.

²⁹ Там же, 1935, № 6, стр. 693.

³⁰ K. M i h k l a. Juhan Sütiste eluhädane loominguline ringkäik /Близкий к жизни творческий путь Юхана Сютисте/, Журн. "Looming", 1939, № 6, стр. 250.

³¹ Liina Reiman. Rambivalgus süttib. Mälestusi minu lavateekonnalt /Зажигается свет рампы. Воспоминания о моем пути на сцене/. Lund, 1956, стр. 35.

Количество подобных примеров можно было бы значительно увеличить.

Правда, если попытаться на основе свидетельств писателей и их современников выяснить, как же понимался, воспринимался ими Лермонтов, это окажется делом не столь простым. Но все же в упорном подчеркивании элегической струи в его творчестве можно видеть, что и в этот период Лермонтов предстал перед эстонами, в первую очередь, как поэт грусти, тоски, одиночества, разочарования. Протестующая, бунтарская сторона его творчества, философский смысл его индивидуализма отступают, по-видимому, на второй план в восприятии Лермонтова, хотя нотки религиозности, столь старательно акцентировавшиеся в конце XIX в., теперь и не подчеркиваются. Почему это так, ясно - не та эпоха! Впрочем, такое восприятие творчества Лермонтова в ту пору было характерно и едва ли не для большинства русских любителей литературы.

Такова в самых общих и по необходимости обрывочных чертах история восприятия творчества Лермонтова в Эстонии в дореволюционный период. Отметим, между прочим, что рецепция творчества Лермонтова в Латвии, у южных соседей эстонцев, была несколько иной: там великий русский поэт сравнительно рано предстал перед читателями не только как певец грусти и печали, но в какой-то мере и как бунтарь-протестант³². Выяснение причин этого явления выходит за рамки этой статьи.

³² См.: В. А. Вавере, Г. М. Мацков. Латвийско-русские литературные связи. Рига, изд. "Зинатне", 1965, стр. по именному указателю.

И.Я.Бергман

К ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ТВОРЧЕСТВА

Л.Н.ТОЛСТОГО В ЛАТВИИ.

/Сообщение/

До последнего времени считалось, что первое упоминание имени Толстого в латышской печати относится к 1885 году. В статье "Глеб Иванович Успенский", опубликованной в 33 номере журнала "Рота" за 1885 год, было отмечено, что Л.Толстой умеет изображать русского крестьянина лучше, чем Пушкин, Гоголь, Тургенев и показывает его "правдиво, естественно и просто". Первыми же произведениями Л.Н.Толстого, изданными на латышском языке, считались опубликованные в 1886 году в газетах "Диенас Лапа" /№ 78/ и "Балтияс Вестнесис" /№ 87-89, 100-102/ народные рассказы "Чем люди живы", "Свечка", "Бог правду видит, да не скоро скажет".^{1/}

Однако, фронтальный осмотр латышской периодики первого пятилетия 80-х годов, показал, что имя великого русского писателя стало знакомо латышскому читателю несколько раньше. Так, в 1883 году в 32 номере широко распространенной газеты "Балтияс Вестнесис" в разделе информации появляется сообщение о странном, по мнению редакции, поведении графа Л.Толстого в Тульском уездном суде:

"С писателем графом Л.Толстым на днях произошел странный необъяснимый случай. Как присяжный Тульского уездного суда он был приглашен 28 сентября на судебное заседание. Однако, граф Толстой не явился, не сообщив при этом причин неявки. Решением суда он был подвергнут штрафу в размере 100

^{1/} В.А.Вавере, Г.М.Мацков. Латышско-русские литературные связи. Рига, 1965, стр. 158-159.

К.Егле. Л.Н.Толстоја латвиешу валода. IPSR ZA Vestis, 1953., N 9., 145-150.lpp.

А.Ауструмс. Лева Толстоја иетекме латвиешу литература. З."Zvaigzne", 1953., N 17., 8.lpp.

рублей. Когда суд приступил к своей работе и были рассмотрены уже три жалобы, в зал суда неожиданно вошел граф Толстой. Знаменитый писатель остановился у входных дверей и облокотился на барьер, отделяющий подсудимых от помещения суда, тихим, но хорошо слышным голосом сказал: "Господин председатель! Я не могу исполнять обязанности присяжного не из-за причин, предусмотренных законом, а по иным. Если понадобится, я назову эти причины." Когда председатель суда спросил его, почему он воздерживается от исполнения обязанностей присяжного, граф Толстой ответил: "Я не могу быть присяжным вследствие своих религиозных убеждений". На это суд объяснил ему, что он будет считаться неявившимся. Спустя две минуты граф Толстой ушел. Этот случай произвел на всех глубокое необъяснимое впечатление. Каждый спрашивал: "Что этим графом хотел сказать?"

Источником информации, возможно, послужили сведения, опубликованные в каком-либо русском официальном издании. В данном случае сам по себе эпизод из деятельности Л.Толстого как присяжного Тульского уездного суда не привлекает нашего особенного внимания.^{2/} Для нас важнее то, что публикация этого сообщения является своего рода проявлением интереса к личности Л.Толстого. Кроме того, чрезвычайно интересен и тот факт, что в этой короткой заметке на латышском языке граф Л.Толстой упоминается как писатель причём как "знаменитый писатель". Поскольку подобного типа сообщения, касающиеся известных русских писателей 70-80-х годов прошлого столетия, в латышской периодической печати той поры довольно редкое явление, как показал фронтальный обзор латышской периодики /в основном - это юбилейные статьи, некрологи/, то есть основания полагать, что латышский читатель был знаком с творчеством Л.Н.Толстого

^{2/} Однако, появление сообщения об этом эпизоде весьма знаменательно. Нельзя забывать о том, что 80-е годы для Л.Толстого - годы мучительного духовного кризиса, когда происходит полный пересмотр писателем его нравственных, религиозных и общественных взглядов, совершается переход на позиции патриархального крестьянства. Все это, конечно, не могло не отразиться на творчестве писателя, на его общественной деятельности и не могло не проявиться в каких-то его поступках. На это весьма красноречиво и указывает вышеупомянутый эпизод.

в оригинале. Таким образом появляется еще одно доказательство правоты высказанного А. Ауструмом в 1953 году мнения, что произведения Л. Толстого "до их появления на латышском языке читались как в оригинале, так и в переводе на немецкий язык".^{3/}

Не совсем точными оказываются также данные о появлении первых переводов произведений Л. Толстого на латышском языке. Так, в 1885 году в 42 номере журнала "Рота" публикуется рассказ писателя "Три смерти" / "Трежда мирšana"^{4/} в переводе Алиды Айзупе. Любопытно, что при этом нет никакой ссылки не только на автора рассказа, но и отсутствует соответствующая рубрика "с русского языка" / "из криву валодас"^{5/}, которая обыкновенно являлась своеобразным уточнением литературного источника, откуда могло быть почерпнуто то или иное произведение.^{6/}

Разумеется, что эта анонимная публикация не могла отразиться впоследствии на рецепции творчества Л. Н. Толстого в Латвии: великий писатель впервые был воспринят латышским массовым читателем, как автор народных рассказов. Это, в свою очередь, не могло не повлиять на концепцию восприятия творчества Л. Н. Толстого в Латвии.

Новые факты дадут возможность внести некоторые существенные дополнения в исследование данной проблемы.

3/ "...pirma paradīšanas latviešu valodā daudz lasīti gan oriģinālā, gan vācu tulkojumā".

4/ "Trejāda miršana"

5/ "z krievu valodas"

6/ Анонимные произведения с уточняющими подзаголовками "с русского языка", "с английского языка" и т.д. представляют собой своеобразное литературное явление, получившее широкое распространение в Латвии в тот период. Природа и причины его появления еще недостаточно изучены.

С.Е. ИВАНОВА

ЖУРНАЛ " ЦЕЛТНЕ" О М.А. ШОЛОХОВЕ

С 1919 года латышская литература развивалась двумя путями: в атмосфере жестокой классовой борьбы и усиления буржуазно-националистических тенденций продолжалось становление передовой литературы в буржуазной Латвии после падения Советской власти в 1919 году; в Советской России в условиях рабоче-крестьянского государства на литературном фронте успешно работали многие революционные латышские писатели, стоявшие у колыбели молодой латышской советской литературы.

"Это - целая область латышской советской литературы, основной ее фонд". Ее характеризуют такие имена, как Эферт-Клусайс, Йокум, Эйдеманис, Пелекайс, Цеплис, Рихтер, Кадикис-Грозный, Кноринь, Роберт Пельше, Сурабу Эджус и многие другие^{1/}. В России были созданы все условия для широкого развития латышской литературы, работали издательства "Спартак" и "Прометей", выпускавшие в свет произведения латышских писателей.

Статьи о советской литературе появлялись как в латышских литературно-художественных журналах, например, "Целтне" ("Стройка"), "Мазайс Колективист" ("Маленький коллективист"), "Яунайс Арайс" ("Молодой пахарь"), "Яunie Цели" ("Новые пути") и др., так и в газетах - "Кривияс Циня" ("Российская борьба"), "Сибирияс Циня" и др.

Ведущим печатным органом латышской писательской организации на территории СССР в 30-е годы был литературно-художественный журнал "Целтне" (1929-1937). В нем сотрудничали такие известные латышские советские литераторы, как

1/ A.Grigulis, *Lielais Oktobris un latviešu literatūra*. "Karogs", 1967, Nr.II, 140.lpp.

Роберт Пельше, Паул Лауге, Линард Лайцен, Роберт Эйде - манис, Вилис Кноринь, Эрнст Эферт, Карл Пелекайс, Конрад Йокум, Паул Виксна и ряд других. Журнал публиковал художественные произведения латышских писателей, литературно-критические статьи, в нем регулярно освещались вопросы развития латышской литературы. Уделялось также внимание и пропаганде произведений русских советских писателей.

Однако, как показывает анализ материалов, опубликованных за годы существования журнала, в нем было сравнительно мало напечатано переводов из русской советской литературы. До 1932 года не опубликовано ни одного перевода. В 1932 году в журнале был помещен очерк о Днепрогэсе Бориса Горбатова,^{2/} за весь следующий год журнал обратился к переводу лишь однажды: это фрагмент из "Железного потока" А.Серафимовича "За Советскую власть"^{3/}. В 1934 году "Целтне" помещает перевод отрывка из книги И.Эренбурга "День второй".^{4/} В 1935 году в разделе "Вентилятор" опубликован рассказ М. Зощенко "Бедная Лиза".^{5/} В последующие два года журнал начинает чаще обращаться к русской советской литературе. Так, в седьмом номере за 1936 год напечатаны произведения М.Горького: рассказ "Скуки ради",^{6/} "Песня о Соколе" в переводе Я.Райниса и "Песня о Буре - вестнике", переведенная К.Куроном. В пятом и седьмом номерах того же года помещены стихотворения В. Маяковско-

2/ B.Gorbatovs. Uz dambja.Tulk.Е.М."Celtne", 1932, Nr.II, 989.-997.lpp.

3/ A.Serafimovičs.Par Padomju varu./Fragments no epepejas "Dzelžaina straume"/.Tulk.Ed.Birojts."Celtne", 1933, Nr.8, 98.-101.lpp.

4/ I.Erenburgs.Ta ceļ cilvskus./No autora jaunāka romāna "ДЕНЬ ВТОРОЙ"/.Tulk.aut.neuzrādīts."Celtne", 1934, Nr.II, 804.-812.lpp.

5/ M.Zošenko.Nabaga Lize."Celtne", 1935, Nr.12, 914.-915.lpp.

6/ M.Gorkijs. Aiz gara laika.Tulk.nav."Celtne", 1936, Nr.7., 487.lpp.

7/ "Celtne", 1936, Nr.7, 481.-484.lpp.

го в переводе В.Восса^{8/} и А.Цеплиса^{9/}, и Н.Тихонова.^{10/} С первого номера 1937 года "Целтне" начинает публиковать роман Н.Островского "Рожденные бурей".^{11/}

В резолюции Первой конференции латышских пролетарских писателей и литкоров Ленинградской области (1931 год) говорится о необходимости издания на латышском языке наиболее значительных произведений пролетарских писателей других народов.^{12/} В своем сообщении на 2-м Всесоюзном совещании рабоче-крестьянских корреспондентов в том же году К.Пелекайс говорил: "... Оданы для перевода некоторые серьезные произведения русской пролетарской литературы (Фурманова "Чапаев", Серафимовича "Железный поток", Фадеева "Разгром", Чумандрина "Фабрика Рабле")"^{13/}. Однако к 1933 году было переведено на латышский язык лишь последнее,^{14/} что вызвало резкое осуждение со стороны латышской советской критики. Так, Ю.Янеле-Виена в одной из своих статей справедливо указывала на тот факт, что "проблемы литературного наследия почти не решаются ни журналом "Целтне", ни нашими издательствами... В стороне остаются не только классики, но и революционная европейская и даже русская советская литература... Однако в то же время мы успели издать такую, сравнительно слабую, художественно несовершенную и незрелую книгу Чумандрина как "Фабрика Рабле", которая не ос-

8/ V.Majakovskis.Ar pilnu balsi./Pirmais ievads poemai/, atdz.V.Voss."Celtne",1936,Nr.5,321.-324.lpp.

9/ V.Majakovskis.Par padomju pasi.Atdz.Al.Ceplis."Celtne", 1936. Nr.7, 485.lpp.

10/N.Tihonovs.Flandrijas rozes./No krājuma "Dzejas par Eiropu"/."Celtne", 1936, Nr.7, 486.lpp.

11/N.Ostrovskis.Vētrā dzimušie.Pirma grāmata."Celtne",1937, Nr.1-10.

12/Latvju proletarktniecības uzdevumi Rekonstrukcijas periodā."Celtne", 1932, Nr.1, 88.lpp.

13/"Prometejs" darbība. No K.Pelēka ziņojuma Vissavienības 2.strādnieku-zemnieku korespondentu apspriedē."Celtne", 1931, Nr.6, 376.-377.lpp.

14/"No lielākiem krievu padomju rakstniecības darbiem līdz šim latvju valodā bija izdots vienīgi Čumadrina "Rabla fabrika". /E.Fross.A.Fadejevs."Sakāve"/."Celtne", 1933, Nr.9, 728.-729.lpp.

тавила никакого заметного следа в развитии русской советской литературы... Несмотря на это, книга была переведена одной из первых".^{15/}

Случайность выбора этого перевода Янеле-Виена объясняет отставанием латышской советской литературной критики, считая, " что фронт нашей критики отстает даже больше, чем фронт писательский".^{16/} Может быть, в этом и есть доля истины. Однако сравнительно небольшое количество переводов произведений советской литературы на латышский язык объяснялось, скорее, тем, что латыши, проживавшие на территории СССР (по данным 1926 года, в СССР проживало более 140 тыс. латышей.), как правило, владели русским языком и могли читать русскую литературу в оригинале. В то же время с 1933 года заметно усиление внимания к вопросу пропаганды советской литературы, и наряду с книгами латышских авторов в издательстве " Прометей" выходят переводы произведений советских писателей. Э.Фрос в статье " А.Фадеев "Разгром" пишет: " С " Разгрома" Фадеева " Прометей" начинает активнее издавать на латышском языке прозаические произведения русской советской литературы... Это начинание " Прометея" можно только приветствовать. Идеино и художественно более ценные произведения русских писателей тем самым становятся доступными и для той части латышских читателей, которая недостаточно владеет языком. Чтобы развивать и сохранить в массах чистый латышский язык, важно как можно больше издавать на нем полезных, даже и не оригинальных произведений, а просто хороших переводов. Поэтому такие издания важны также и для той части латышских трудящихся масс, которая владеет языком достаточно."^{17/} В это время и журнал "Целтне"

15/ Viēna. Būt "dvēseļu inženieriem". "Celtne", 1934, Nr. 2-3, 149.-156.lpp.

16/ Turpat, 155.lpp.

17/ E.Fross. A.Fadejevs. Sakāve. Tulk.K.Pelēkails."Prometejs", M., 1933, "Celtne", Nr.9, 728.-729.lpp.

начинает вести более активную пропаганду советской литературы. Над переводами работают К.Пелекайс, Э.Бироис, К.Курон, В.Босс, А.Цеплис, Э.Фросс.^{18/}

В советской печати 30-х годов часто появлялись рассказы, отрывки из романов, выходили отдельными изданиями книги Шолохова. Многие латыши их читали в оригинале. Может быть, поэтому в латышской периодической печати 30-х годов на территории СССР не удалось найти переводов из произведений Шолохова.

Однако в 7-ом номере журнала "Целтне" ("Стройка", 1929-1937) за 1935 год был опубликован отчет поэта Карла Пелекайса о проделанной работе, в котором говорится: "Для практики хочу заняться переводом "Поднятой целины" Шолохова".^{19/} Талантливый, самообытный поэт, бывший красный латышский стрелок Карлис Пелекайс (Упмалис), известный и как переводчик русской советской литературы, принадлежал к славной когорте латышских советских литераторов 30-х годов. Через год в небольшой заметке "Латышские советские писатели в 1936 году" сообщалось: "К.Пелекайс напишет цикл стихотворений "Правящий класс", подготовит избранное для сборника, переведет роман Шолохова "Поднятая целина"^{20/}. Журнал "Целтне" информирует читателей о том, что "К.Пелекайс перевел роман Шолохова "Поднятая целина".^{21/} Латышский поэт Карлис Пелекайс выбрал для упражнения в переводе роман Шолохова, скорее всего, не случайно: с одной стороны, тема романа была злободневной, и с ним надо было познакомиться и широкие круги латышских читателей; с другой - работа над текстом шолоховского произведения, проникновение в его

18/ Sk.I.Behmane.M.Dombrovske,G.Sileniecs.Latviešu literatūra Padomju Savienībā/1920.-1940./..Latvijas PSR ZA Vēstis,1956, Nr.8, 29.-44.lpp.

19/ E.F.Rakstnieku biroja.Maskavas latvju padomju rakstnieku biroja paplašināta sēde/10.maija/."Celtne", 1935, Nr.7, 553.lpp.: "Treniņa darī gribu tulkot Šolohova "Поднятая целина".

20/ Latvju padomju rakstnieki 1936.gadā."Celtne",1936,Nr.I, 67.-68.lpp.: "K.Pelēkaiss uzrakstījis dzejoli virkni "Valdošā āķīra", sagatavos dzejoli izlasi "Dzīves stāsts", tulkos Šolohova romānu "Plēsums".

21/ Plāni un darbi."Celtne", 1937,Nr.I,70.lpp.: "K.Pelēkaiss ir pārtulkojis Šolohova romānu "Plēsums".

стиль в процессе перевода способствовали бы росту мастерства самого переводчика. Это был последний год существования журнала, и перевод книги Шолохова опубликован в нем не был. Как ответственный редактор издательства "Прометей" Карлис Пелекайс был подвергнут репрессиям и погиб в феврале 1938 года. В планах издательства "Прометей" на 1937 год говорится: "Из произведений русских и советских писателей будут изданы "Детство" М.Горького, "Как закалялась сталь" Н. Островского, роман М.Шолохова "Поднятая целина"^{22/}. Однако до сих пор остается неизвестной судьба перевода, сделанного К.Пелекайсом.

И все же латышский читатель имел возможность почерпнуть из журнала довольно большое количество сведений о М.А. Шолохове. Так, уже в 1929 году была опубликована статья К. Шабрака "Новое в русской пролетарской литературе", в которой автор считает "Тихий Дон", создаваемый М.Шолоховым, выдающимся достижением советской литературы и призывает каждого прочесть эту книгу".^{23/} В том же номере Р.Пельше упоминает о М. Шолохове и Ф. Панферове, называя их "очень одаренными людьми".^{24/} К. Приедниекс пишет тогда же: "...В последние годы появилось много сильных и подающих надежды писателей. Это - Панферов, Фадеев, Шолохов, Светлов, Либединский, старый Серафимович и другие."^{25/}

В статье К.Юкума "Советская литература перестраивается" говорится: "Усилению идейно-художественного значения советской литературы способствуют как мастера старшего поколения, так и литературная продукция целой армии молодых талантливых писателей, которая систематически, год от года

22/ "Celtne", 1937, Nr.3, 231.lpp.

23/ K.Šabraks."Jaunākais krievu proletariskās literatūra". "Celtne", 1929, Nr.I, 45.lpp.

24/ R.Pelše. Maksla un sociālistiskā celtniecība. "Celtne", 1929, Nr.I, 16.-17.lpp.

25/ K.Priednieks. Par partijas ģenerālo līniju proletariskā literatūra. "Celtne", 1929.,Nr.3, 32.lpp.

растет. Произведения таких писателей, как М. Горький, Серафимович, Фадеев, Панферов, Леонов, Вс. Иванов, Гладков, Шолохов, Тихонов и многих других, в которых очень рельефно и высокохудожественно отражены наша революция и героизм трудовых будней социалистического строительства, являются достижением трудящихся Советского Союза и всего международного пролетариата и прогрессивной интеллигенции"^{26/}. В докладе Р. Баузе на Пленуме советских писателей Ленинградского оргкомитета, опубликованном в пятом номере журнала "Целтне" за 1933 год, особое место было отведено роману М. Шолохова "Поднятая целина": "... Книга Шолохова свидетельствует о могучих возможностях советской литературы. Известен распространенный взгляд, что литература должна заниматься такими жизненными явлениями, которые уже "отстоялись". Контрреволюционер Троцкий утверждал, что литература должна плестись в хвосте жизни, в "обознике", что искусство должно отставать от жизни. " ... Поднятая целина" - такое произведение, которое идет не следом за жизнью, за нашей борьбой, не в "обозе", а в авангарде. Роман "Поднятая целина" вмешивается как активная сила в практику нашего коллективного строительства, и если руководители партийных организаций иллюстрируют и изучают опыт социалистических преобразований на селе, опираясь на художественные образы, созданные Шолоховым, то становится зримой мечта поэта Маяковского - литература стала силой, которая врывается в повестку дня наших партийных собраний".^{27/}

26/ K. Jokums. Padomju rakstnieciba parkartojas. "Celtne", 1932, Nr. II, 1027.-1032. lpp.

27/ R. Bauze. Padomju literatūras uzplaukums. Referāts padomju rakstnieku Leningradas orgkomitejas plēnumā. "Celtne", 1933., Nr. 5, 400.-406. lpp.

П.Виксне в своем выступлении на расширенном заседании оргкомиссии конференции латышских советских писателей ставит перед ними задачу создания тематически богатых и проблемных произведений: "... В этом году заметен перелом в сторону тематики социалистического строительства... Но еще не ставятся и не решаются такие большие проблемы, как в романах "Поднятая целина", "Энергия". Там видно, как растут люди. Нам также надо создавать произведения глубоких проблем и большого размаха".^{28/}

Журнал "Целтне" знакомил своих читателей с тем, как воспринимался читателями страны роман М. Шолохова "Поднятая целина". Примечательна заметка И.Свере "Советская художественная литература в центре внимания миллионных масс"^{29/} Это перевод материалов, опубликованных в "Литературной газете" и газете "Красная звезда". Они свидетельствуют о том, что произведения советских писателей находят широкий отклик среди рабочих и трудового крестьянства. В Зуевском районе Горьковского края на два дня были освобождены от работы все члены райкома партии для того, чтобы прочесть роман Шолохова. А члены Мухинской территориальной партийной ячейки до тех пор читали "Поднятую целину" и "Бруски" Чапферова, "пока не превратили их в лохмотья". В коллективах живо интересуются новыми произведениями. Во многих местах организуются коллективные обсуждения "Поднятой целины". Конечно, это возможно при активной поддержке партийных организаций и в первую очередь - секретарей крайкома - Жданова, Прамника (лат.) и Столяра".^{30/} Далее автор ссылается на корреспонденцию Гайлитиса, помещенную в "Красной звезде"

28/ Latvju Padomju rakstnieku konferences organizācijas komisijas raplašinātā sēdē. "Celtne", 1934, Nr.1, 65.-73.lpp.

29/ I.Svere.Padomju daiļliteratūra miljonu masu uzmanības centrā. "Celtne", 1934, Nr.6, 466.lpp.

30/ И.Свере основывается на материалы партийной конференции Горьковского крайкома партии, опубликованные в "Литературной газете" от 24/1 1934 г. Рядом с фамилией Прамника стоит сокращение: лат.

от 30 января 1934 года, в которой рассказывается о возросшем интересе к литературе в воинских частях: "... Если раньше командир приходил в библиотеку лишь за уставом, то теперь он чаще стал просить художественную литературу. В одной дивизии организовали обсуждение "Поднятой целины" и пьес "Интервенция" и "Мой друг". Это мероприятие приняли тепло, необходимо и в других частях организовать подобные диспуты."

Эти свидетельства интересны для современных читателей, во-первых, тем, что говорят об огромной популярности произведения, М.Шолохова "Поднятая целина"; во-вторых, подтверждают положение о том, что интерес к этому писателю возник не только у русских, но и у читателей других национальностей, в данном случае также и у латышей и, в-третьих, сам факт обращения к переводу подобного материала на латышский язык способствовал пробуждению интереса читателей к русской советской литературе, в частности, к роману Шолохова. Кстати, в десятом номере "Celtne" за 1934 год читатель "знакомится" и с самим Михаилом Шолоховым: на странице 767 помещен его портрет. 31/

О популярности романов Шолохова за рубежом журнал часто сообщает в разделе "Международная информация": "Роман Шолохова "Поднятая целина" издан на немецком языке в Швейцарии и вышел в двух издательствах Франции... Первые книги романа Шолохова "Тихий Дон" в марте вышли в Лондоне". 32/ "В Англии первое издание "Тихого Дона" (7000 экз.) разошлось, так и не достигнув прилавков магазинов; готовится следующий выпуск. В Дании проданы 54000 экземпляров". 33/

31/ "Celtne", 1934, Nr. 10, 767.lpp.

32/ "Celtne", 1934, Nr. 2-3, 238.-240.lpp.

33/ "Celtne", 1934, Nr. 4-5, 399.-400.lpp.

• В целом следует сказать, что в Советском Союзе латышская литература, не утрачивая своей самобытности и национальной специфики, развивалась в содружестве со всей многонациональной советской литературой. Латышские советские писатели пристально следили и за развитием русской литературы, идя вместе с нею по пути социалистического реализма. Несмотря на хорошо известные высказывания критики о новых книгах русских советских писателей, латышские литературоведы искали своих путей в оценке того или иного произведения.

В задачи латышского литературоведения входила и пропаганда лучших произведений русской советской литературы. На страницах журнала "Целтне" с 1929 по 1937 годы опубликовано одиннадцать переводов произведений русских писателей. Сравнительно небольшое количество переводов объясняется тем, что русский язык был довольно хорошо знаком латышам, проживавшим в Советском Союзе: они слышали русскую речь, сами активно участвовали в жизни страны. Поэтому о многих произведениях русской советской литературы упоминается как бы вскользь, как о хорошо знакомых вещах, — их читали по-русски.

В небольшой заметке о "Роман-газете" К.Якобсон обращается к латышскому читателю: "Роман-газету желательно выписывать всюду, где хотя бы часть читателей говорит по-русски,"^{34/} тем самым призывая латышей знакомиться с произведениями русских писателей в оригинале.

Однако же редакция журнала заботилась также и о сохранении самобытности и чистоты латышского языка, поэтому естественно, что большая часть места отводилась для публикаций произведений латышских писателей.

34/ K. Jakobsons. Avīze-romāns. "Celtne", 1929, Nr. 5, 44.-45. lpp.

Из приводимых высказываний о М.А. Шолохове видно, что латышское советское литературоведение 30-х годов ставит этого писателя в один ряд с лучшими мастерами слова молодой советской литературы. Если в 1929 году Р.Пельше называет М.Шолохова "очень одаренным", а К. Приедниекс в том же году считает его "подающим надежды писателем", то уже в 1933 году тот же Роберт Пельше пишет: "Рядом со старыми мастерами (М.Горький, Серафимович) достойно стоят младшие и молодые пролетарские писатели Гладков, Фурманов, Либединский, Шолохов, Панферов, Ставский... Эти и многие другие пролетарские писатели и поэты уже поднялись в своем мастерстве так высоко, что их книги, — без преувеличения, — часто читаем с несравнимо большим удовольствием, чем многих известных классиков." 35/

В пламенном "Письме писателям Латвии", с которым латышские советские писатели Л.Лайцен, П.Виксна, П.Кикутс, К.Нокум и др. (всего 32 подписи) обратились к своим коллегам, проживающим в буржуазной Латвии, призывая их не стоять в стороне от жизни, а смело изменять ее, бороться за революционное преобразование действительности, имя Михаила Шолохова названо первым среди тех писателей, чьи "произведения в короткий срок заняли одно из ведущих мест в мировой литературе, несмотря на преграды, чинимые советской культуре." 36/

Обнаруженные свидетельства о переводе "Поднятой целины" на латышский язык и подготовка к публикации этого произведения в издательстве "Прометей" говорят о высокой оценке творчества писателя латышским советским литературоведением.

35/ R.Pelše. Māksla un proletariskā revolūcija. "Celtne", 1933., Nr.2, 159.lpp.

36/ Vēstule Latvijas rakstniekiem. "Celtne", 1934, Nr.I, 24.-29.lpp.

В Т О Р О Й Р А З Д Е Л

И.Я.Бергман

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.Г.КОРОЛЕНКО В ЛАТВИИ И СТАТЕЙ О НЕМ. I/

В ходе работы по сбору и изучению материала по теме "Восприятие русской прозы малой эпической формы в Латвии с 1880 по 1905 гг." ознакомление с разнообразной справочной литературой показало, что в настоящее время мы не располагаем сводной библиографией опубликованных в Латвии переводов на латышский язык произведений русской прозы. Отсутствуют даже библиографические росписи переводов произведений и статей о восприятии творчества в Латвии целого ряда русских писателей, пользовавшихся сравнительно большой популярностью среди латышских читателей. Библиографические данные подобного рода разрознены по различным указателям латышской и переводной литературы, что представляет известную трудность при сборе материала и дальнейшем его изучении.

Настоящая работа является попыткой дать свод публикаций переводов произведений В.Г.Короленко в Латвии с 1880 по 1905 гг., а также статей и рецензий о нем, опубликованных в периодической печати Латвии в данный период.^{2/}

I/ Составитель данной библиографии считает своим долгом выразить искреннюю благодарность т.АПИНИСУ А.А. и т.БРЕМГЕЛЮ А.Ю., оказавшим помощь при составлении библиографии.

2/ Составитель настоящей библиографии не претендует на полноту охвата литературы даже в тех рамках, которые определяются указанным периодом, так как такого рода исследования предполагают проведение фронтального осмотра латышской периодики, который в настоящее время еще не завершен полностью.

Тем самым будет положено начало составления сводной и по возможности наиболее полной библиографии переводов на латышский язык произведений русской прозы в Латвии в конце XIX - начале XX вв. Кроме переводов сочинений В.Г.Короленко и статей о нем, в предлагаемой библиографии отражены также и пересказы на латышском языке отдельных произведений писателя.

Источниками библиографии являются данные, почерпнутые в основном из библиографических изданий Латвии. Прежде всего следует отметить библиографию библиографий "Латышская и переведенная на латышский язык художественная литература"^{3/} сост. А.Ю.Бремпеле, изд."Зинатне", Рига, 1967; "Латышская наука и литература. Указатель статей, опубликованных в периодике"^{4/} А.Гинтера, Р., 1926-1940; "Указатель латышской письменности" Я.Мисиня, Р., 1924-1937;^{5/} "Указатель беллетристики, переведенной на латышский язык" Арону Матиса, Р., 1902.^{6/} Помимо этого использованы материалы о В.Г.Короленко, содержащиеся в общих библиографиях, составленных В.Ауструмом /В.Амбайнис/ в книге: "Латышская литературная критика" в 5-ти тт., Р., 1956-1964;^{7/} и В.Вавере и Г.Мацковым в монографическом исследовании "Латышско-русские литературные связи" Р., 1965.

^{3/} A. Brempēle. Latviešu un latviski tulkotā daiļliteratūra. Bibliogrāfiju bibliogrāfija. Izd. "Zinātne", Rīga, 1967.

^{4/} Latviešu zinātne un literatūra. Periodikā iespiesto rakstu rādītājs. Sast. A. Ģinters. Rīga, 1926.-1940.

^{5/} J. Mišins. Latviešu rakstniecības rādītājs. Rīga, 1924.

^{6/} Latviešu tulkotās beletristikas rādītājs. Aronu Maties sast. Rīga, 1902.

^{7/} Latviešu literatūras kritika. Rakstu kopojums. I. sējums. /1874-1904./ Sakarotojuši A. Grigulis un V. Austrums. Rīga, 1956.

Сведения, полученные таким путем, были составителем проверены. Публикуемая ниже библиографическая роспись включает переводы В.Г.Короленко на латышский язык, появившиеся в периодических изданиях /календарях, журналах или газетах с их литературными/, а также вышедшие отдельными изданиями. Материал расположен в хронологическом порядке. Библиография составлена на русском языке.

Сон Макара. Пер. Э.Медниса.-"Диенас Лапа"^{8/}, 1886, № 50-55.

Старый звонарь. Пер. Арону Матиса.-"Диенас Лапа", 1890, № 296.

Лес шумит. Пер. Маркуса. -"Ауструмс"^{9/}, 1891, № 2.

Старый звонарь. Пер. Ф.-Л.-"Балтияс Вестнесис"^{10/}, 1893, № 68.

Море, эскиз. Пер.-ау-у.-"Диенас Лапа", 1894, № 277.

Очерки сибирского туриста. По Короленко. Пересказ Э.Бирзниекса.-"Балтияс Вестнесис", 1895, № 263-272.

В дурном обществе. Пер. Э.Нице. -"Диенас Лапа", 1895, № 41-53.

В дурном обществе. Пер. Э.Нице. Рига, изд.Бисниекс 1895.

Открытие железной дороги. По Короленко.-"Диенас Лапа", 1895, № 132-133.

Соколинец. Пер. Я.С. -"Балтияс Вестнесис", 1896, № 74-80.

Старый звонарь. Пер. Брк.Н. -"Тэвија"^{11/}, 1897, № 20

Очерки сибирского туриста.-"Диенас Лапа", 1897, № 2-5.

Судный день. Пер. Пазглю Мартиня. Рига, изд.Крумина, 1897.

8/ "Dienas lapa"
9/ "Austrums"
10/ "Baltijas Vestnesis"
11/ "Tevija"

Ночь. По Короленко. - "Малс Виеса Мөнэдракстс"^{12/}
1897, стр. 186-192, 263-270.

Старый звонарь. Пер. Яча. - "Балтияс Вестнесис",
1898, № 77.

Слепой музыкант. Пер. Э.Бирэниека. - "Балтияс Вест-
несис", 1898, № 45-58.

Черкес. Пер. Бр.Аугуста. - "Балтияс Вестнесис",
1898, №19-220.

Тени, фантазия. Пер.Визулис. В кн.: Сиповского В.
"Сократ", Рига, 1898, стр.67-88.

Судный день /Мом-Кипур/. Пер. Леяс. Круминя. -
"Балтияс Вестнесис", 1900, № 262-269.

Пасхальная ночь. По Короленко. - Литературное
приложение "Диенас Лапа", 1900, № 85.

Старый звонарь. По Короленко. Пересказ Пуполса.
-"Балсс"^{13/} 1901, № 36.

Соколинец /Сахалинские беглецы/. По Короленко.
-Литературное приложение "Балтияс Вестнесис", 1901,
№ 139-145.

Огоньки. Пер. Тия /М.Сирака/. - "Вардс"^{14/}, 1901,
№ 101.

Мороз. Из сибирских рассказов. Пер. К.Скалбе.
-"Яунибас литература"^{15/} Сост. А.Кенинь. Елгава,
Книга вторая, 1902, стр.7-11.

Огоньки. Пер. Я.Асара. - "Диенас Лапа", 1903, № 1.

Ат-Даван. Рассказ из сибирской жизни. Пер. Пупол-
са. - "Латвиешу Авижу стасту нодаля"^{16/}, 1903, № 96-100.

Соколинец. Пер. К.Дишлера. - "Ригас Авизе"^{17/},
1903, № 155-160.

12/ "Mājas Viēsa Mēnesraksts"

13/ "Balss"

14/ "Vārds"

15/ "Jaunības Literatūra"

16/ "Latviešu Avīžu stāstu nodāļa"

17/ "Rīgas Avīze"

Огоньки. Пер. И.Брасовского. - Литературное приложение "Петербургас Авизе"^{18/} 1904, № 36.

Сказание о Флоре, Агриппе и Менахеме... Пер. Виксну Рудольфа. - "Ригас Авизе", 1904, № 157-160.

Огоньки. Пер. Екаба Розе. - "Веротайс"^{19/} 1904, стр.735.

Без языка. Пер. Виксну Рудольфа.-Литературное приложение "Латвиешу Авизес"^{20/} 1904, № 55-86.

Мгновение. Пер. Виксну Рудольфа. -В кн.: "Маж Малендарс"^{21/} 1905, Елгава, 1904, стр.88-96.

Черкес. Пер. Виксну Рудольфа. - Литературное приложение "Латвиешу Авизес", 1905, № 55-59.

О В.Г.КОРОЛЕНКО

С.В. Книжный стол. /О рассказе В.Г.Короленко "В дурном обществе"/. - "Диенас Лапа", 1895, № II5.

Пипинь-Визулис З. О рассказе В.Г.Короленко "В дурном обществе". - "Ауструмс", 1896, № 2, стр. 155-156.

Русская художественная литература последнего времени. - В кн.: Тауту пагалмс.^{22/} 1896. Лиепая, 1895, стр. 53-54.

Из новейшей русской литературы /1895 и 1896 гг./ - В кн.: Тауту пагалмс. 1897. Лиепая, 1896, стр. 38-39.

Звезды русской литературы новейшего времени. - "Тевия", 1897, № 37.

Х.Я. Новейший период русской художественной литературы. - Литературное приложение "Балтияс

18/"Peterburgas Avize"

19/"Verotajs"

20/"Latviesu Avizes"

21/"Maju-Kalendars"

22/"Tautu pagals"

Вестнесис", 1897, № 265.

Янкавс И. В.Г.Короленко. - "Диенас Лапа", 1903,
№ 189, 191.

Ласис П. /Пастариньш/. В.Г.Короленко. - "Балти
яс Вестнесис", 1903, № 157.

Пуполс. Владимир Короленко. - Литературное
приложение "Датвиешу Авизес", 1903, № 96.

Я.КР. В.Г.Короленко. - "Ригас Авизес", 1903,
№ 155.

М.А.ШОЛОХОВ В ЛАТВИИ
/материалы к библиографии произведений
М.А.Шолохова и статей о нем, издан-
ные в Латвии/

В сближении национальных культур большое место занимают литературные взаимосвязи. Библиографирование и систематизация того обильного материала, который накапливался и увеличивается с годами, играет в этом процессе немаловажную роль.

Рассматривая материалы по библиографированию богатого наследия русских советских писателей и поэтов в Латвии, можно сделать вывод об усиливающемся интересе к этому вопросу. В издательстве "Зинатне" в 1967 году своевременно вышла книга А.Ю.Бремпеле "Латышская художественная литература и переводы художественной литературы на латышский язык. Библиография библиографий". Помимо систематизации и описания общ. регистрационных и отраслевых библиографий латышской художественной литературы, книга А.Ю.Бремпеле включает как переводы латышской художественной литературы на другие языки, так и переводы иноязычной художественной литературы на латышский язык. Эта книга является незаменимым пособием для интересующихся латышско-иноязычными литературными связями. У А.Ю.Бремпеле находим указание на персональные библиографии В.Маяковского,

составленные Э.Пейле^{1/} и К.Эгле,^{2/} которые охватывают периоды соответственно с 1945 по 1950 годы и с 1940 по 1953 годы. Библиографию Э.Пейле предваряет краткая биография поэта, далее приводится перечень отдельных изданий В.Маяковского /16 наименований/ и литературы о нем /22 наименования/.

Помимо этого, в книге А.Ю.Бремпеле имеются указания на библиографии /в виде памяток читателю/ В.Маяковского,^{3/} А.Гайдара,^{4/} Н.Островского,^{5/} И.Эренбурга.^{6/}

Наиболее полным является библиографический указатель В.Плесум "Русские советские писатели", изданный Государственной библиотекой им.В.Лациса в 1961 году. Он содержит 98 библиографий русских советских писателей, в которые вошли данные об отдельных изданиях произведений и публикациях в периодической печати, перечень материалов об их жизни и творчестве с 1945 по 1960 годы, всего 2246 наименований.

Большой объем информации о творчестве русских советских писателей в Латвии и его непрерывный рост побуждают к расширению и углублению их библиографирования. Однако отдельных библиографий, содержащих максимально полные сведения об изданиях в Латвии, переводах на латышский язык произведений русских советских писателей, а также статьях и высказываниях латышских литературоведов, посвященных их творчеству пока еще недостаточно.

^{1/} Пейле Э. В.В.Маяковский. Материалы для пропаганды творчества в библиотеках. Р., 1950 /гос.библиотека им.В.Лациса/.

^{2/} Эгле К. В.М.аяковский на латышском языке. Библиографический обзор. Известия АН Латв.ССР, 1953, № 7, стр.131-143.

^{3/} В.Маяковский. Памятка читателю. Р., 1955.

^{4/} А.Гайдар. Библиографическая памятка и методические материалы в связи с 10-й годовщиной со дня смерти писателя, Р., 1951.

^{5/} Гехт В. Н.Островский. Библиография к 15-летию со дня смерти. Р., 1951.

^{6/} Пуце О. и Зачиняева И., Илья Эренбург Краткий список литературы о нем. Р. 1950.

Советскими литературоведами написано большое количество статей о творчестве Михаила Шолохова. В последние годы выделилась специальная область в литературоведении — шолоховедение. Латышскому читателю имя этого писателя было знакомо уже с 1929 года. За это время накопился и большой объем материалов по рецепции творчества М.Шолохова в Латвии. До сих пор имелось 3 указателя публикаций его произведений, статей и материалов о его творчестве, напечатанных в Латвии. А.Бремеле приводит памятку читателю "Михаил Шолохов" М.Дименштейне и Д.Клинце, изданную в 1955 году.⁷⁷ Она содержит краткий очерк жизни и творчества, библиографию, включающую данные о наиболее крупных отдельных изданиях произведений и публикациях в периодической печати /всего 15 названий/, а также перечень статей и материалов о Шолохове /30 названий/, появившихся с 1940 по 1955 годы.

Указатель В.Плесума "Писатели-лауреаты Ленинской премии в 1960 году"^{8/} обобщает данные о творчестве М.Рыльского, М.Турсун-Заде и М.Шолохова. В нем содержится очерк творчества, указываются публикации произведений на латышском языке, отдельные издания на русском языке /57 назв./ и литература об этих писателях /69 назв./. Приведенные данные охватывают период с 1945 по 1960 годы.

В указателе В.Плесума "Русские советские писатели"^{9/} имеется статья о жизни и творческой деятельности М.А.Шолохова, приводятся имеющиеся к тому времени издания его произведений на латышском языке /8 назв./, а также дается перечень статей /на латышском языке/ о жизни и творчестве М.А.Шолохова /16 назв./.

⁷⁷ Дименштейне М. и Клинце Д. Михаил Шолохов. Памятка читателю. Р., 1955, /Гос. библиотека им. В.Лациса/.

^{8/} Плесума В. Писатели-лауреаты Ленинской премии в 1960 году. Памятка читателю. На лат. и рус. яз. Р., 1960.

^{9/} Плесума В. Русские советские писатели /указатель литературы/ на лат.яз. Гос. библиотека им. В.Лациса, Р., 1961.

Названные работы содержат ценные библиографические сведения о Шолохове в Латвии с 1940 по 1960 годы. Однако полная библиография М.А.Шолохова в Латвии пока еще не составлена.

Помещаемые в данной работе материалы к библиографии произведений М.А.Шолохова и статей о нем, изданных в Латвии с 1929 по 1969 годы, публикуются впервые и являются дополнением к имеющимся библиографическим указателям М.Дименштейне и Д.Клинце и В.Плесум.

Известную трудность в изысканиях представляли 1936-1940 годы, т.к. этот период не нашел полного отражения в библиографических указателях. Основными источниками при составлении данной библиографии были фонды, каталоги и картотеки Библиотеки СССР им.В.И.Ленина, фундаментальной библиотеки Академии наук Латвийской ССР и Государственной библиотеки им. В.Лациса.

Для большей наглядности библиографический материал располагается по периодам: I - период буржуазной Латвии /1929-1940/, II - период Советской Латвии /1940-1969/.

Подобное распределение основано на опыте периодизации и характеристике историко-литературного процесса, данном в "Истории латышской литературы"^{10/}. В каждый период включены: перечень публикаций произведений М.А.Шолохова на русском и латышском языках, статьи, материалы, высказывания о нем, издаваемые на обоих языках.

Библиографические сведения приводятся в хронологической последовательности. Журнальные и газетные статьи даются отдельно. В приложении приводится перечень использованных библиографических статей и указателей.

^{10/} История латышской литературы. Изд. АН Латвийской ССР в 6-ти тт. Р., 1956-1962.

ПЕРИОД БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ^{II/}
/1929 - 17 июня 1940 годы/

На русском языке произведения М.А.Шолохова начинают публиковаться в Латвии с 1932 года. Это - главы из романа "Поднятая целина", а уже в следующем году латышский писатель Ю.Ванаг переводит рассказ М.Шолохова "Смертный враг" из сборника "Донские рассказы", который был напечатан в журнале "Домас". В латышской периодической печати буржуазной Латвии имя М.А.Шолохова впервые встречается в 1930 году. В газетных и журнальных статьях затем часто помещаются различные материалы о М.Шолохове и его произведениях. Отдельных монографий о М.Шолохове в латышском литературоведении этого периода не обнаружено.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ М.А.ШОЛОХОВА

1. На русском языке

Газеты:

Союз "Освобождения Родного Дона" /отрывок из романа "Поднятая целина"/. "Сегодня", 1932, № 100.

Отрывок из нового романа "Поднятая целина". "Сегодня", 1932, № 107.

"Тихий Дон". Отрывки из романа. "Сегодня", 1935, № 72, 73, 109.

"Тихий Дон". Главы из неопубликованной 4ой книги романа. "Сегодня", 1936, № 75, 301, 303, 321.

"Тихий Дон". Главы из неопубликованной 4-ой книги романа. "Сегодня", 1937, № 93, 99, 271, 289.

"Тихий Дон". Главы из неопубликованной 4-ой книги "Тихого Дона". "Сегодня", 1939, № 8, 15, 57, 60.

"Тихий Дон". Главы из еще не опубликованной VIII/последней/ части романа. "Сегодня", 1940, № 5, 6, 8-10, 85-87, 93.

Журналы:

Дерья Мелехова /"Тихий Дон"/. "Для Вас", 1938, № 4
II/ Материалы данного периода публикуются впервые.

2. На латышском языке

Газеты:

Plēsums. Bez tulk.uzv. "Pēdējā Brīdī", 1933, Nr. 296

Plēsums. Tulk. Māra Ozoliņa. "Pēdējā Brīdī", 1934, Nr. I-64

Журналы:

Nāvīgais naidnieks. No krājuma "Domas stāsti". Tulk. J. Vanags. "Domas", 1933, Nr. 10, 561.-572. lpp.

"Kulaku iznīcināšana". Nod. no romāna "Uzplēstais līdums" Ar ģimetni un nelielu ievadrakstu. Tulk. J. Niedre. "Virziens", 1934, Nr. I-2, 73.-75. lpp.

ЛАТЫШСКАЯ КРИТИКА О М. ШОЛОХОВЕ
(на территории буржуазной Латвии)

I. На русском языке

Газеты:

Примечание к отрывку из романа "Поднятая целина" М. Шолохова. "Сегодня", 1932, № 100, 107

Журналы:

В.Т. (Виктор Третьяков). Роман о колхозе. "Основы", 1934, № 2, стр. 3

2. На латышском языке

Газеты:

Plaudis J. Par Maksimu Gorkiju un rakstnieka jauno raudzi. "Sociāldemokrāts", 1932, Nr. 145

- Upīts A. Rakstnieku brigādes (Padomju Krievijā/. "Domas", 1930, Nr. 10, 101.-403.lpp.
- Talcis A. Cīņa par kolhoziem Padomju Savienībā. Mihaila Šolohova romāns - Uzplēstais līdums. Federācijas izdevumā. "Domas", 1933, Nr. 1-2, 410.-412.lpp.
- Niedre J. SPSR literatūra 1932.gadā. "Virziens", 1933, Nr. 1-2, 57.lpp.
- Niedre J. Kāda ir proletāriskā rakstniecība. "Virziens", 1933, 1.-2., 39.-43.lpp.
- Plaudis J. /Homo/. Viņi grib taisīt proletārisko literatūru. "Domas", 1933, Nr. 6, 341.-347.lpp.
- Niedre J. Ievērojamākais 1933.gadā SPSR literatūrā. "Virziens", 1934, Nr. 1-2, 57.lpp.
- Niedre J. Mihails Šolohovs, "Kulaku iznīcināšana", nodaļa no romāna "Uzplēstais līdums". J.Niedres tulk.un ievad raksts /ar M.Šolohova portretu/. "Virziens", 1934, Nr. 1-2, 73.-75.lpp.
- Pīlškis P. Mihaila Šolohova romāni "Klusā Dona" un "Plēsums". "Daugava", 1933, Nr. 12, 1144.-1145.lpp.
- Tretjakovs V. Zemes un ģimenes tradīciju gūstā. No jaunākiem padomju romāniem. "Burtnieks", 1934, Nr. 4, 333.-335.lpp.

П. ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ¹²⁾
(с 17 июня 1940 г.-1969 г.)

После восстановления Советской власти в Латвии произве-

¹²⁾ Материалы приводятся в дополнение к имеющимся библиографическим указателям М.Дименштейне, Д.Клинце и В.Плесума. (См. стр. 3-4)

дения М. А. Шолохова интенсивно переводятся на латышский язык. По данным Книжной палаты ЛССР на 24 февраля 1969 года книги М. Шолохова переводились 17 раз общим тиражом 283300 экземпляров.

На страницах газет и журналов республики часто появляются статьи о Михаиле Шолохове и его творчестве.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. А. ШОЛОХОВА

Газеты:

Precinieku brauciens. Nodaļa no romāna "Klusā Dona". Tulk. V. Grēviņš. "Jaunais Komunārs", 1940, Nr. 33

Uzplēsto vecaine. Tulk. J. Laganovskis. "Taisneība", 1940, 7. dec. - 1941, 13. jūn.

Pārtikas komisārs. /Stāsts/ E. Stalīdzānes tulk. "Padomju Jaunatne", 1968, 2. jūnijs

Журналы:

Pasaules karš. "Klusās Donas" otrās grāmatas fragments. Tulk. V. Grēviņš. "Karogs", 1940, Nr. 2, 205.-217. lpp.

Ienaida skola. Latviski A. Upīts. "Cīņas literārais pielikums", 1942, Nr. 10, 32-4. lpp., Nr. 11, 1.-4. lpp.

Отдельные издания:

Plēsums. Romāns. Tulk. Voldem. Meļinovskis. LVI, 1961

Klusā Dona. Tulk. V. Grēviņš. I.-4. gr. LVI, 1964

Cilvēka liktenis. Stāsts. Tulk. V. Grēviņš. "Liesma", 1965

ЛАТВИЙСКАЯ СОВЕТСКАЯ КРИТИКА О М.А.ШОЛОХОВЕ

I. Н а р у с с к о м я з ы к е

Газеты:

- Бахрах Ж. Тихий Дон. "Пролетарская правда", 1940, № 161
- Гоффеншефер В. Михаил Шолохов. "Трудовая газета", 1940, № 58
- Лежнев И. Творчество М.А.Шолохова. "Трудовая газета", 1940,
№ 23
- Мик. К премьере "Тихого Дона". "Пролетарская правда", 1940,
№ 158
- Лукин Ю. Лауреаты Сталинской премии. "Латгальская правда",
1941, № 88
- Зингель Р. Конец Григория Мелехова. "Пролетарская правда",
1940, № 78
- Зингель Р. Михаил Шолохов. "Пролетарская правда", 1941, № 72
- Николаев-Бергин Н. Две книги М.Шолохова. "Советская Латвия",
1945, № 2
- Судрабалнис Я. Выдающийся писатель. К 40-летию со дня рожде-
ния М.Шолохова. "Советская молодежь", 1945,
№ 23
- Иващенко Ю. Михаил Шолохов. "Советская молодежь", 1946, № 126
- Кац И. Михаил Шолохов. "Советская молодежь", 1947, № 57
- Унит А. Могучее влияние русской литературы. "Советская Лат-
вия", 1948, 22 декабря
- Леманис И. Выдающийся советский писатель (к 50-летию со дня
рождения М.А.Шолохова). "Советская Латвия", 1955,
24 мая
- Станке Э. Писатель-патриот. К 50-летию со дня рождения М.А.Шо-
лохова. "Советская молодежь", 1955, 24 мая

- Меликян А. М.А.Шолохов в Шотландии. "Советская Латвия",1962,
15 апреля
- Гура В. Единство людей искусства и труда. В гостях у писателя М.А.Шолохова. "Советская Латвия", 1964,28 июля
- Антман-Бриедит А. Мужественные герои. "Советская Латвия",
1965, 23 мая
- Вавере В. Любимый писатель. "Советская Латвия",1965, 23 мая
- Гура В. Наш Шолохов. С фото. "Советская Латвия",1965,23 мая
- Зорин М. Книги М.Шолохова в Латвии. "Советская молодежь",1965,
23 мая
- Зорин М. Прочувствуй и пойми... "Советская молодежь", 1965,
№ 120
- Минкова С. Слово читателей. "Советская Латвия", 1965, № 120
- М.ШОЛОХОВ - лауреат Нобелевской премии. С фото. "Советская
Латвия", 1965, 16 октября
- Плинер Л. Нобелевская премия. "Советская молодежь", 1965,
17 октября
- Фоменко Л. Судьба народная - судьба человеческая. "Советская
молодежь", 1965, 23 мая
- Художник революции, ее певец и летописец. "Советская Латвия",
1965, 26 мая
- Художник, рожденный Октябрем. "Советская Латвия",1965, 23 мая
- Яценко П. В станции Вешенской. "Советская молодежь", 1965,
23 мая
- Яценко П. На родине Михаила Шолохова. "Советская Латвия",
1965, 2 марта

Журналы:

- Бахрах Ж. Три постановки Государственного театра оперы и балета ЛССР. "Советская Латвия", 1941, № 2,
стр. 171-173

13)

Автор не указан. Далее по тексту подобные материалы помечены звездочкой

Библиографический обзор журнала "Карогс", № I-3. "Советская Латвия", 1940, № I, стр.153.13)

Сборники:

Упит А. Монументальная форма социалистического реализма (в сб. Упит А. Литературно-критические статьи). Р., 1952, стр. 197-202

2. Н а л а т ы ш с к о м я з ы к е

Газеты:

Виржиньекс-Урītис. "Klusā Dona" - romāns par kazākiem. "Jaunālais Komunārs", 1940, Nr. 33

Е. В. Мiхaйлс Алeксaндрoвiчс Šолоховс. "Jaunais Komunārs", 1940, Nr. 33^{x/}

Gofenšefers V. Мiхaйлс Šолоховс. "Darbs", 1940, Nr;29

Gofenšefers V. Мiхaйлс Šолоховс. "Cīņa", 1940, Nr. 73

L. J. Мiхaйлс Šолоховс. "Taisnība", 1940, Nr. 72

Rauda A. Klusā Dona I. "Brīvais Zemnieks", 1940, Nr. 13

Veselis J. Klusā Dona. "Padomju Latvija", 1940, Nr. 13

Мiхaйлс Šолоховс. "Taisnība", 1941, Nr. 19^{x/}

J. A. Klusā Dona ar jauniem tēlotājiem. "Padomju Latvija", 1941, Nr. 54

Lukins J. Padomju tautas iemīļotais rakstnieks, ar ģimēni. "Cīņa", 1941, Nr. 96

Sudrabkalns J. Мiхaйлс Šолоховс. "Padomju Latvija", 1941, Nr. 66

Logins F. Мiхaйлс Šолоховс. "Latgales Zemnieks", 1946, Nr.30

- "Klusā Dona" latviešu valodā /M.Šolohova/. "Literatūra un Māksla", 1945, Nr. 48^{x/}
- Rezniks O. Krievu Padomju proza šodien."Literatūra un Māksla", 1946, Nr. I
- Simonovs K. Padomju tautas literatūra. "Ciņa", 1946, Nr. 299
- Šolohova "Klusā Dona" latviešu valodā."Literatūra un Māksla", 1946, Nr. 30
- Šolohovs - Nobeļa prēmijas kandidāts."Literatūra un Māksla", 1946, Nr. 43
- "Klusā Dona" urdu valodā. "Literatūra un Māksla", 1946, Nr. 42^{x/}
- Ilmārs A. Zemes kolektivizācijas attēlojums M.Šolohova romānā "Plēsums". "Zemgales Komunisti", 1947, Nr. 89
- Skrote Z. Apspriež Mihaila Šolohova romānu "Plēsums". "Padomju Jaunatne", 1947, Nr. 78
- Tirzmaļa A. M.Šolohova "Plēsums" /kritika/. "Padomju Jaunatne", 1947, Nr. 63
- Lasa referātus par padomju rakstniekiem /Mazsalacā/. "Liesma", 1949, Nr. 5^{x/}
- Lasītāju konference /Nīcgalē/. "Taisneība", 1949, Nr. 4^{x/}
- Literārais pulciņš izvērsē savu darbu /Nīcā/. "Komunisti", 1949, Nr. 10^{x/}
- Pujāts P. Literāro pulciņu darbs. /Višķu dārzkopība/ "Latgales Taisneība", 1949, Nr. 5
- Arakčejevs V. Lieliskais vārda mākslinieks. "Komunisti", 1955, 25. maijā
- Damburs E. Izcilais padomju rakstnieks /sakarā ar M.Šolohova 50.dzimšanas dienu/. "Bauskas Darbs", 1955, 25. maijā
- M.Šolohova un D.Steinbeka sastapšanās /M.Šolohovs kā tūrists ceļo pa Skandināvijas valstīm/. "Literatūra un Māksla", 1957, 6.jūlijā^{x/}

Rumāņu zemnieku vēstule M.Šolohovam. "Auces Komunārs", 1959, 27.augustā^{I4/}

Tautas svētki Vešenskas stacijā. Ar attēliem. "Literatūra un Māksla", 1959, 5.septembrī^{X/}

Hešs Bela. Jaunais kazaks. /Pie rakstnieka A.Serafimoviča 1927.g./. "Padomju Jaunatne", 1960, 15.maijā

Overšenko K. Mihails Šolohovs. "Zemgales Komunisti" /Jelgava/, 1960, 6.jūlijā

Makleods Viljams. Tolstojs un Šolohovs Jaunzelandē. "Padomju Jaunatne", 1962, 29.jūlijā

Grišajevs V. Šolohovs lasa Šolohovu; G.Jukunnieka zīmējumi. "Ciņa", 1963, 14.aprīlī

Frank H. Intervija ar Šolohova varoni. Ar ģim. "Rīgas Balss" 1963, 5.jūlijā

Jaščenko P. Rakstnieka M.Šolohova dāvana. "Padomju Jaunatne", 1963, 16.oktobrī

Filipovskis K. Pie "Klusās Donas" autora. "Ciņa", 1963, 21.maijā

Kāruis R. Atkārtojot M.Šolohova daiļradi. "Skolotāju Avīze", 1963, 8. maijā

Larni Marti. Nedēļa pie Šolohova. "Ciņa", 1963, 28.augustā

I4/ Этот же материал был опубликован в следующих номерах
русских газет:
"Balvu Taisnība", 1959, 25.aug.; "Bauskas Darbs", 1959, 25.aug.; "Brīvā Vents", 1959, 10.sept.; "Brīvā Daugava", 1959, 3.sept.; "Padomju Sigulda", 1959, 5.sept.; "Padomju Smiltene", 1959, 25.aug.; "Padomju Zeme"/Limbaži/, 1959, 12.sept.; "Par Komunistisko Uzvaru" /Baldone/, 1959, 8.sept.; "Sarkanā Kandava", 1959, 3.sept.; "Sarkanais Karogs" /Ilākste/, 1959, 12.sept.; "Tukuma Ziņotājs", 1959, 29.aug.; "Uzvaras Ceļš" /Līvāni/, 1959, 8.sept.; "Zemgales Komunisti" /Jelgava/, 1959, 29.augustā

- Šolohovs Norvēģijā. "Ciņa", 1963, 20. septembrī^{x/}
- Larni Marti. Tērzējot ar Šolohovu. "Ciņa", 1964, 27. maijā
- Mihails Šolohovs gaida ciemiņus. "Ciņa", 1964, II. jūnijā
- Mihails Šolohovs Berlīnē. "Ciņa", 1964, 27. maijā^{x/}
- Šolohova darbi Dienvidslāvijā. "Literatūra un Māksla", 1964, 25. janvārī^{x/}
- Viesos pie Šolohova. "Literatūra un Māksla", 1964, 25. jūnijā^{x/}
- Andriasovs M. Viņu pazīst miljoni. Ar att. "Padomju Jaunatne", 1965, 23. maijā
- Grants J. Rakstīt nozīmē ar vārdiem gleznot. "Ciņa", 1965, 23. maijā
- Kluce R. Grodie pavadieni. "Ciņa", 1965, 23. maijā
- Ļeņina ordeņi rakstniekiem. "Literatūra un Māksla", 1965, 29. maijā^{x/}
- Ļitvinovs V. Mūsu Šolohovs. Ar ģim. "Skolotāju Avīze", 1965, 2. jūnijā
- Lugovojs P. Kopā ar rakstnieku Vešņenskā. "Ciņa", 1965, 23. maijā
- Mihaila Šolohova godināšana. "Literatūra un Māksla", 1965, 29. maijā^{x/}
- Mihails Šolohovs - filoloģijas zinātņu goda doktors. "Rīgas Balss", 1965, 15. maijā^{x/}
- Mihails Šolohovs Nobeļa prēmijas laureāts. Ar ģim. "Rīgas Balss", 1965, 16. oktobrī^{x/}
- Mihails Šolohovs - Nobeļa prēmijas laureāts. "Literatūra un Māksla", 1965, 16. oktobrī^{x/}
- Mihails Šolohovs - Nobeļa prēmijas laureāts. Ar ģim. "Ciņa", 1965, 16. oktobrī^{x/}
- Mihails Šolohovs Zviedrijā. "Ciņa", 1965, 14. decembrī^{x/}

- Nobeļa fonds. "Padomju Jaunatne", 1965, 16.novembrī^{x/}
- Par godu M.Šolohovam. "Cīņa", 1965, 24.decembrī^{x/}
- Plotkins A. Uz uguntiņu Vešenskā. Ar att. "Rīgas Balss", 1965,
21.maijā
- Zakrutkins V. Zīle ziedi /apraksts/. "Rīgas Balss", 1965,
II.-12.maijam
- Zeile P. Padarīto vērtējot, nākotnē ielūkojoties. "Literatūra
un Māksla", 1965, 30.oktobrī, 6.novembrī
- Zotovs V. Klusās Donas dēlam Mihailam Šolohovam 60 gadi. "Komi-
nisma Ceļš" /Bauska/, 1965, 25.,27.,maijs
- Zviedru žurnālisti pie M.Šolohova. "Rīgas Balss", 1965, 16.no-
vembrī^{x/}
- Vešenskas stacīcā. "Komunists" /Liepājā/, 1965, 21.maijā^{x/}
- Viņu pazīst miljoni. "Komunists" /Liepājā/, 1965, 23.maijā^{15/}
- Andriassovs M. Pasaules rakstnieki par Šolohovu. "Rīgas Balss",
1966, 28.septembrī
- Iļjins M. Šolohovs Veškos. "Rīgas Balss", 1966, 3.septembrī
- Iļjins M. Šolohovs Veškos. Šolohovs stāsta par romāna "Plē-
sums" tapšanu. "Komunisma Rīts" /Tukumā/, 1966,
13. septembrī
- Jaščerko P. "Tuvība ar tautu vienmēr dara bagātāku"; Mihaila
Šolohova saruna ar ārzemju žurnālistiem. "Litera-
tūra un Māksla", 1966, II.jūnijā
- Padomju rakstnieki - Sociālistiskā Darba varoņi. "Cīņa", 1967,
24.februārī^{x/}

15)

Статьи с этими же названиями были опубликованы в газетах "Ригас Балсс", 1965, 24 мая; "Авангард" /Даугавпилс/, 1965, 25 мая

"Zelta vārpa" Mihailam Šolohovam. "Cīņa", 1967, 13.janvārī^{x/}
Filipovskis K. Jauno rakstnieku tikšanās ar Mihailu Šolohovu
/Padomju Savienības, Bulgārijas, Ungārijas, Po-
lijas, Rumānijas un Čehoslovākijas jaunie li-
terāti Rostovā pie Donas/. "Literatūra un Māk-
sla", 1969, 5.jūlijā

Журналы:

- Grēviņš V. Mihails Šolohovs. Ar ģim. "Karogs", 1940, Nr. 2,
198.-205.lpp.
- Moors H. Ko lasīt? "Darba Sieviete", 1940, Nr. 10, 20,
20.-21.lpp.
- Sakss Al. Jaunās grāmatas. "Atpūta", 1940, 826
- Vanags J. "Klusā Dona". Pirmā grāmata. Valsts apgādniecības
izdevums. Tulk. Valdis Grēviņš. S.Koroļkova illust-
rācijas. "Karogs", 1940, Nr. 1, 149.-150.
- Upīts A. Sociālistiskā reālisma monumentālā forma. "Karogs",
1952, Nr. 6, 597.-607.lpp.
- Upīts A. Tulkojuma loma literatūras daiļradē. "Karogs", 1952,
Nr.12, 90.-102.lpp.
- Melnis V. Padomju literatūras četrdesmit gadi. "Karogs", 1957,
Nr.11, 115.-123.lpp.
- Šolohovs par Davidovu /"Plēsuma" galvenais varonis/. "Karogs",
1958, Nr.5, 156.lpp.^{x/}
- Pa Eiropas valstīm (rakstnieka ceļojums pa Eiropu/. "Karogs",
1959, Nr.7, 156.-157.lpp.^{x/}
- Premiju - skolai. "Karogs", 1960, Nr.8, 154.lpp.^{x/}
- Leņina prēmija M.Šolohovam /par romānu "Plēsums"/. "Karogs",
1960, Nr. 6, 152.lpp.^{x/}
- "Klusās Donas" manuskripti. "Karogs", 1961, Nr.6, 152.lpp.^{x/}

- Jaunā Šolohova likstas. "Karogs", 1965, Nr.8, 147.lpp.
- Vāvere V. Mihails Šolohovs kritikas vērtējumā /sakarā ar 60. dzimšanas dienu/. "Karogs", 1965, Nr.5, 141.-144.lpp.
- Mihails Šolohovs - Nobeļa prēmijas laureāts. "Karogs", 1966, Nr. I, 175.lpp.^{x/}
- Saruna ar Šolohovu. "Karogs", 1966, Nr.10, 172.-173.lpp.^{x/}
- Šolohovs - Leipcigas universitātes goda doktors. "Karogs", 1966, Nr. 3, 180.lpp.^{x/}
- Firsovs V. Dzērves. M.Šolohovam. Atdeje. E.Lejietis. "Liesma", 1967, Nr. 6, 18.lpp.

СБОРНИКИ, КНИГИ

- Krauliņš K. Viļa Jāča daiļrade. R., LVI, 1954, 165.lpp.
- Peļše R. Latviešu un krievu literatūras sakari. LPSR ZA Vēstis. Valodas un literatūras institūts; 1949, Nr. 7, 24.lpp.; Nr. II, 29.lpp.
- Hešs Bela. Jauneklis ar manuskriptu. Grām. Tautas kalendārs 1964.gadam. R., 1963, 256.-257?lpp.
- Melnis V. M.Šolohovs. "Plēsums". - Jaunās grāmatas /LVI informatīvais bibl. biļetens/. 1961, Nr.II, 20.-22.lpp.
- Upīts A. Sociālistiskā reālisma jautājumi literatūrā. R., LVI, 1957

П р и л о ж е н и е

Список использованных библиографических
статей и указателей

- Бремпеле А.Ю. Латвийская художественная литература и переводы художественной литературы на латышский язык. Библиография библиографий. Р., 1967
- Ginters A. Latviešu zinātne un literatūra. Periodiskajos izdevumos iespiesto rakstu sistematisks satura un alfabētisks autoru rādītājs. R., 1920. - 1936. XI - XVIII sēj.
- Озолс Я. Связи латышской и русской литературы. Библиографический указатель. Институт языка и литературы АН Латвийской ССР. Р., 1959
- Ozols J. Padomju latviešu literatūras bibliogrāfija /1940.-1945./. Latv. PSR ZA Valodas un literatūras institūta raksti. I sēj. R., 1952
- Взаимосвязи и взаимодействия литератур мира. Библиография (1961-1965 г.г.). Изд. АН СССР, Фунд. б-ка общественных наук им. В.П.Волгина. Б-ка Института мировой литературы им. А.М.Горького (отд. ФБОН). М., 1968
- Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. Библиография (1945-1960 г.г.). Изд. АН СССР. Фунд. б-ка общественных наук. Б-ка Института мировой литературы им. А.М.Горького. М., 1962
- Latviešu literatūras vēsture. 6.sēj. R., Latv. PSR ZA izd-ba, 1956.-1963. /Latv. PSR ZA Valodas un literatūras institūts/
- Latviešu literatūras kritika. Rakstu kopojums. Sakārt. A.Griģulis un V.Austrums. I.-5.sēj. R., LVI, 1956-1964
- Latvijas PSR iznākušo grāmatu rādītājs. 1940.-1941., 1944.-1948. R., 1948.-1962. /Latv.PSR Grāmatu palāta/

- Latvijas PSR preses hronika. Latv.PSR Valsts registrācijas un analitiskās bibliogrāfijas orgāns. Iznāk 12 reizes gadā. R., 1957.-1969.
- Liela Tēvijas kara laika Latvijas PSR grāmatu rādītājs. 1941.g. jūl. - 1944.g. okt. /Izdotas KPFSR teritorijā/Valsts registrācijas bibliogrāfija. R., 1964
- Preses hronika. Latv.PSR Valsts bibliogrāfijas orgāns. 1950.-1956. R., Latv.PSR Valsts republikāniskā biblioteka, 1950.-1956.
- Žurnālu un avižu rakstu hronika. Latv.PSR Valsts. 1946.-1956. R., /1950.-1962./
- Литература и искусство народов СССР и зарубежных стран. Библиографический бюллетень. Всесоюзная Книжная палата. Всесоюзная государственная библиотека иностр. литературы. Изд-во "Книга". М., 1957-1969

О г л а в л е н и е

П Е Р В Ы Й Р А З Д Е Л

Предисловие	3 - 4
Г.С.Исаков. О рецепции творчества М.Ю.Лермонтова в Эстонии /до 1917 года/.....	5 - 25
И.Я.Бергмач. К истории восприятия творчества Л.Н.Толстого в Латвии /сообщение/.....	26 - 28
С.Е.Иванова. Журнал "Целтне" о М.А.Шолохове.	29 - 39

В Т О Р О Й Р А З Д Е Л

И.Я.Бергман. Материалы к библиографии произведений В.Г.Короленко в Латвии и статей о нем	40 - 45
С.Е. Иванова. М.А.Шолохов в Латвии /материалы к библиографии произведений М.А.Шолохова и статей о нем, изданных в Латвии/.....	46 - 64

Handwritten scribbles and a diagonal line.

ЦЕНА 10 коп.

44 / 1230

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0508044008